

A man with short dark hair and a light beard, wearing a white polo shirt, stands next to a woman with long blonde hair wearing a blue ribbed top. They are in a modern, dimly lit interior with large windows showing a city at night.

МОЛОДЫЕ И ГОРЯЧИЕ

АРАМ И АИЗА

ДИАНА РЫМАРЬ

Диана Рымарь

Арам и Лиза

<https://litres.ru/74203302>

Аннотация

Здоровенный плечистый курьер нагло заходит в квартиру. Я в шоке, пячусь назад и пытаюсь сообразить, куда сунула газовый баллончик. И тогда он снимает кепку... Через секунду я понимаю, что передо мной никакой не курьер. Арам Григорян собственной персоной. Тот самый подонок, который семь лет назад сломал мою жизнь. - Что ты здесь делаешь? – только и могу вымолвить. - В глаза посмотреть пришел. И взять ДНК анализ у твоего сына. Мое сердце пропускает пару ударов. Явился не запылится семь лет спустя, а теперь еще что-то требует. - Я не разрешаю никакого анализа! – заявляю отчаянно. - Ты ему никто! - Я не спрашивал твоего разрешения, - он цедит каждое слово. Как назло, в прихожую выбегает Лешка и тараторит: - Пиццу привезли? Пицца! Пицца! Сынок тормозит в паре шагов от нас, удивленно разглядывает гостя, а тот его. По вытянувшейся физиономии Арама я сразу вижу, что никакой тест ДНК ему уже не нужен. Ведь мой сынок – копия папа. - Арам, уходи немедленно! – пытаюсь выгнать незваного гостя. - Только вместе с сыном, - цедит он, буравя меня взглядом. – А ты пойдешь прицепом. Жестокый и беспринципный тип, который женщин за людей не считает. Не понимаю, как я могла тогда так безоглядно

его любить... ☆#☆☆# Дорогие, любимые, пришла пора Араму найти свою половинку. Но сможет ли он заслужить право быть с ней?

Содержание

Глава 1. Как он узнал	5
Глава 2. Два возмущенных мужчины	10
Визуал	17
Глава 3. Лиза	18
Глава 4. Одно случайное слово	25
Глава 5. Как она посмела...	34
Глава 6. Асоциальный ребенок	38
Глава 7. (Не) курьер	48
Глава 8. Нежданно-негаданно	58
Глава 9. Мозг операции	66
Глава 10. А в это время...	72
Глава 11. Голубь мира	77
Глава 12. Круги по воде	85
Глава 13. Адекватный родитель	89
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Глава 1. Как он узнал

Арам

— Скажите, Арам, а вы женаты? — Ведущая новостного стрима кокетливо улыбается. — Женскую аудиторию нашего канала этот вопрос очень интересует.

С ленивой ухмылкой осматриваю студию записи, куда меня пригласили дать интервью для рубрики «Самородки года». Все благодаря моему стартапу, который выстрелил при отцовской поддержке и дал икс двадцать от вложенного. Люди любят истории успеха, вот пресса мной и заинтересовалась.

Что ж, побыть самородком приятно.

Но слушать вопросы про личную жизнь — нет.

— Я помолвлен, — отвечаю таким тоном, чтобы журналистка четко поняла, что пора менять тему.

— Как же так? — Она наигранно расстраивается. — Вы разбиваете тысячи сердец этим признанием. Особенно после того, как вас включили в топ десять холостяков по версии канала «Сплетни».

Вертел я этот канал...

Отчасти поэтому решил наконец жениться, чтобы не лезла всякая шушера в директ со своими предложениями задниц и передниц.

Только собираюсь ответить, как в разговор включается отец, сидящий по левую сторону от меня.

Куда ж без него и его ценного мнения.

— Мой сын женится на замечательной девушке, — говорит он, глядя на ведущую свысока. — Хорошая, воспитанная, из приличной семьи. Милена Оганесян, я одобряю будущую невестку.

У журналистки резко повышается настроение, она спрашивает:

— Та самая Милена Оганесян? Дочка владельца крупнейшей в крае сети супермаркетов Амаяка Оганесяна?

— Та самая, — с достоинством кивает отец. — Уже со-
сватали.

— А дети у вас есть, Арам?

По ходу дела, журналистке нейдет.

Что ж, разочарую.

— Я же сказал, помолвлен, а не женат. Детей планирую делать в браке, — отвечаю с прищуром.

И снова в разговор вмешивается отец:

— Мой сын — человек высокой морали. Он не стал бы делать детей на стороне. Только в законном браке! Не верю я в эти ваши современные веяния, свободную любовь. И детей своих я воспитывал, прививая правильные семейные ценности и традиции. Честь семьи прежде всего.

Настроение журналистки снова идет на взлет.

Теперь ее улыбкой можно освещать города.

Она опять поворачивается ко мне и вдруг говорит:

— А вот нам известно другое... Или вы просто замалчиваете наличие внебрачного сына?

— Что вы имеете в виду? — Мое лицо грубеет.

— Я объясню, к чему начала этот разговор. — Журналистка делает театральную паузу. — Некоторое время назад мои коллеги брали интервью у модели, ставшей лицом сети косметических салонов «Винклс». Так вот, она утверждает, что вы отец ее ребенка.

— Что?! — Я невольно морщу лоб.

К двадцати пяти годам я разное в жизни повидал, и сплетни про меня пускали разные. Еще бы, сын владельца крупной торговой компании, опять же на лицо не урод, при фигуре. Высокий, широкоплечий, черноглазый и черноволосый, как мой отец, с породистым лицом, которое так нравится девушкам. Мои соцсети раздуваются от желающих добавиться в друзья, фото репостятся мгновенно. Но чтоб такой поклеп...

— Как вам не стыдно разносить ничем не подкрепленные сплетни? — возмущается отец.

— Никаких сплетен, — тут же оправдывается журналистка. — Только проверенные факты. Я готова предоставить вам результаты нашего журналистского расследования.

Мне вдруг становится смешно: что люди только ни придумают ради хайпа.

— И кто эта модель? — спрашиваю с усмешкой. — Интересно, я ее хоть видел? Раз вы приписываете мне отцовство

ее ребенка.

— Секундочку. — Журналистка поднимает указательный палец.

Вскоре на большом экране позади нее показывается фото блондинки в красном вечернем платье. Она ярко накрашена, и я с трудом узнаю в ней какие-то знакомые черты. Потом кадр сменяется, и вот она же стоит на улице в шубе, надевает шапку какому-то пацаненку. Лица пацаненка не видно, зато ее...

Лизка, вашу мать!

Меня аж током прошибает, когда ее узнаю.

Подруга невестки, что вышла замуж за моего брата Артура. Точно, Настина подруга детства, так ее растак...

Спали один раз, но даже так она умудрилась вытянуть мне всю душу. Повел я себя тогда, как шизик, конечно. Просто был очень разочарован. Оно больно, когда ты девушку на пьедестал, а она — отбросы, но никак не экспонат.

Журналистка тем временем продолжает:

— Лиза Пронина в своем интервью по секрету поведала моему коллеге, что забеременела на свадьбе лучшей подруги детства. Мы выяснили, что подруга детства у нее была одна — Анастасия Григорян. Не поленились и нашли в Сети фото ее кавалера на той самой свадьбе. Это вы, Арам?

Теперь на экране маячит фото меня и Лизы семилетней давности. На изображении мы стоим на улице перед рестораном.

Даже помню, что ей тогда говорил — комплименты сплошные, распинаясь перед ней, как последний долдон. Я сказал бы ей тогда что угодно, лишь бы она со мной пошла. И она пошла... Знал бы я тогда, что распинаться, в общем-то, было не нужно. Шлюху пальцем помани, она и так пойдет.

Прячу дикое возмущение за усмешкой, спрашиваю:

— Она сказала, что ребенок от меня?

Журналистка хмыкает:

— Нет, она не так сказала. Я могу дословно передать разговор...

С этими словами она включает запись, где Лиза сидит перед журналистом, а тот сует ей микрофон в лицо.

Лиза кривится и выдает:

— Это случилось по глупости, на свадьбе подружки детства, я доверилась одному очень нехорошему человеку. Отец моего ребенка — подонок, который бросил меня после единственной ночи. Он не стоит упоминания. Давайте считать, что у моего сына нет отца.

Тут уже меня несет:

— То есть вы хотите сказать, что этот подонок — я?

Журналистка еле заметно посмеивается и отвечает:

— Да, я именно это хочу сказать.

Глава 2. Два возмущенных мужчины

Арам

Мы с отцом выходим на улицу, злющие как черти.

Дверь студии захлопывается за нашими спинами с металлическим лязгом, и меня тут же окатывает морозным краснотарским воздухом. Но не остужает ни на грамм.

Если бы я знал, что интервью пойдет в таком ключе, ноги бы моей не было в этой замшелой студии.

Нашли козла отпущения, мать их.

Какая-то дрянь что-то сболтнула на камеру ради славы, а я теперь виноват. Сидел там, идиот, улыбался в камеру, а меня в это время по всей стране выставляли как последнего мудака, который бросает собственных детей.

Вспоминаю надменное лицо Лизы в тот момент, когда она говорила: «Отец моего ребенка — подонок, который бросил меня после единственной ночи. Он не стоит упоминания».

Аж колбасит всего от таких ее речей. Руки сами собой сжимаются в кулаки.

Такого она обо мне мнения, получается? После всего, что было?

А то, что сама свистела мне в уши, что девочка никем не

тронутая, хотя на самом деле очень даже тронутая — это так, пустяки, мелочи жизни.

Мой брат-близнец женился в восемнадцать, тогда же у нас с Лизой закрутился очень короткий роман, который закончился ночью сплошного разочарования. Помню тот вечер до мелочей — как дурак, ухаживал за ней всю свадьбу, а она строила из себя целку-невредимку, а потом в номере отеля...

Я думал, алмаз нашел неограниченный. Хотел, чтобы, как у брата, первая девушка, первая настоящая любовь, и сразу на всю жизнь. Наивный был, чего уж там. Зеленый, как трава.

Но когда девушка перед тем, как раздвинуть ноги, признается, что ты у нее первый, и ты тут же выясняешь, что это ни хрена не так... Бьет по самолюбию знатно. До сих пор мерзко вспоминать.

В общем, тот короткий роман закончился тем, что я обозвал ее женщиной пониженной социальной ответственности и выпер из своего номера-люкс прямо в чем мать родила.

За это мстит? Скорей всего. Или таким образом пиарит свой говноблог, ловит хайп при помощи моего имени.

Я ведь все эти годы следил за ее модельной карьерой, за блогем этим паршивым, где периодически появлялась ее намакияженная физиономия в разных ракурсах. Про ребенка, кстати, там нет ни слова, что доказывает — эта дрянь женского рода зациклена исключительно на себе любимой.

И тут на тебе — сделала выброс информации.

Может, прочитала где, что я решил жениться, и таким об-

разом пакостит? Из принципа «если не мне, то никому»?

Сама ведь до сих пор замуж не вышла, я проверяю периодически. Так, на всякий случай, чисто из любопытства. Ни одного статуса «В отношениях», «Помолвлена» или «Замужем» у нее так и не появилось, как ни старалась себя выставлять в своем блоге.

И блог-то тусклый, постит от силы раз в неделю какую-нибудь женскую фиготень про макияж и крема, которые рекламирует. Но каким-то макаром у нее собралось около сотни тысяч подписчиков. Не иначе, из жалости подписались, и тысячи лайков из жалости ставят на откровенно паршивый контент.

Столько лет прошло, а я до сих пор на нее зол за то наглое вранье. За то, что заставила меня почувствовать себя полным лохом.

Однако стоит закрыть глаза, и в памяти сразу мелькает то самое фото, где мы с Лизой стоим у ресторана на свадьбе брата. Красивая, сучка... Холеная. Жаль, душа у нее гнилая. К слову, у меня есть копия этого фото в телефоне, иногда на него смотрю, вспоминаю, какой был наивный пацан тогда.

Отец идет рядом, дышит тяжело, как разъяренный бык. Лицо у него багровое, челюсти сжаты. Знаю этот взгляд — сейчас кому-то сильно не поздоровится.

Стоит нам показаться на парковке, и тут как черти из табакерки к нам подлетают блогеры, поджидавшие нашего выхода у студии.

Человек пять-шесть, все с телефонами, готовыми к съемке. Молодые, голодные до сенсаций, в дешевых куртках и кроссовках.

Глаза горят азартом — почуяли добычу.

О, какими вопросами они засыпают нас с отцом! Голоса сливаются в какофонию, диктофоны тычут прямо в лицо.

— Мигран Аветович, как вы прокомментируете, что у вас есть тайный внук? — верещит худая девица с фиолетовыми волосами.

— Мигран Аветович, вы считаете, что хорошо воспитали сына? — добавляет очкарик с прыщавым лицом. — Вас не разочаровывает тот факт, что он бросил своего ребенка?

— Мигран Аветович, постойте... — подсказывает третий, толстый парень в мятой куртке. — Вы признаете своего внука от Лизы Прониной?

— Вы также будете воспитывать его в строгих моральных принципах? — ехидно спрашивает девица, в ее голосе слышится плохо скрытое злорадство.

— Ваш будущий сват в курсе, что у его будущего зятя есть ребенок? Не повлияет ли это на предстоящую свадьбу? — добивает очкарик.

Как свора собак налетели, честное слово.

Лицо отца становится еще более мрачным. Глаза сужаются до щелочек, губы превращаются в тонкую линию.

Я знаю — еще немного, и он взорвется, как граната.

— Без комментариев! — рычит отец на все вопросы бло-

геров.

Расталкивает их локтями и пробирается вперед.

Я иду рядом с ним, сохраняя невозмутимое выражение лица, хотя внутри все кипит. Камеры щелкают без остановки, вспышки слепят глаза. Один из блогеров пытается преградить мне дорогу, но я просто отпихиваю его в сторону.

Наконец добираемся до черного мерседеса с тонированными стеклами. Водитель уже завел двигатель, чувствует напряженную обстановку. Садимся сзади, захлопываем двери, и блогеры остаются за бортом.

Как только водитель трогается с места, на меня набрасывается отец:

— Что это за выдра блондинистая? — Голос у него злой. — Ты что, с ней спал, Арам? Это правда твой сын?

Будь оно так, то... Было бы сейчас не так обидно.

По крайней мере, у меня был бы повод дать Лизке в свое время второй шанс. Она, конечно, его ни хрена не заслужила, но...

Больно мне далось тогда наше расставание.

Потом долго убитый ходил.

— Да, я с ней спал, и нет, это не мой сын, — отвечаю, глядя в окно на проплывающие мимо улицы Краснодара.

— С чего ты так уверен? — Отец поворачивается ко мне всем корпусом, впивается взглядом. — Может, ошибаешься?

— Первое — мы пользовались резинками, второе — я ез-

дил к ней, когда узнал про беременность, — объясняю спокойно, хотя внутри все горит. — Она забеременела через два месяца после того, как я с ней спал. Так что без вариантов.

— Она тебе сказала? — не унимается отец. — Ведь могла и соврать... Ты парень еще неопытный, а вот я знаю, на что способны женщины, чтобы заполучить в мужа богатого.

От его слов про мою неопытность хочется смеяться в голос. Да что он несет?

Сам женился на матери еще юнцом и всю жизнь с ней живет.

Да и лет мне уже прилично — двадцать пять. Опыта вагон и маленькая тележка, не монахом жил все эти годы. После того случая с Лизкой у меня в постели перебивал батальон девчонок. Все женские уловки знаю наизусть, как таблицу умножения.

Но, честно сказать, от Лизки такого не ожидал... Думал, хоть какая-то совесть у нее есть.

— Я выкупил ее карту в женской консультации, сверил сроки, не дурак, — говорю терпеливо, как ребенку объясняю. — Платил врачу отдельно, чтобы дала точную информацию. Так что без вариантов.

Отец откидывается на спинку сиденья, но напряжение с лица не уходит.

— Ясно, девушка хочет поймать хайп, попиариться за твой счет, — бормочет он, потирая виски. — Недаром же семь лет молчала, а сейчас раскрыла свой лживый рот. Раз-

берись с этим, сын! И быстро!

— Не волнуйся, разберусь, — обещаю я, сжимая кулаки.
— Я так с ней разберусь, что она больше и слова в мою сторону вякнуть не посмеет. Будет знать, как имя мое поминать все.

— И поторопись! — Отец стучит пальцем по подлокотнику. — Потому что как только слух дойдет до твоего будущего тестя, он потребует ответа. Ты ведь понимаешь, в каком некрасивом свете тебя выставили сейчас? Кому нужен зять, который бросает собственных детей? Оганесян будет рвать и метать. Еще дочку передумает за тебя отдавать!

Это меня задевает больше всего. Милена... Она ведь тоже это увидит. Что она обо мне подумает?

— Сказал, разберусь! — отрезаю я.

И уже знаю как. В голове зреет план, и этот план принесет Лизке много боли.

Визуал

Дорогие, любимые, я рада приветствовать вас в моей новой книге! Хотите увидеть то самое фото Арама и Лизы семилетней давности, где они стоят у ресторана?

Вот же оно!

Так наши герои выглядели семь лет назад:

А такими они стали сейчас:

Надеюсь, вам понравился визуал!

А теперь возвращаемся к нашим героям.

☆☆#☆☆

Глава 3. Лиза

Лиза

Я успеваю переодеться после съемки за считанные минуты, стаскиваю с себя жмуций в груди розовый топ, натягиваю джинсы и свитер.

Смотрю на часы — двенадцать тридцать.

Отлично — успею за Лешкой в школу с запасом. Всегда стараюсь не опаздывать, потому что от одной мысли, что мой сын-первоклашка будет ждать у ворот школы один-одинешенек, сердце сжимается. Он ведь у меня такой кроха, может и не стоило отдавать его в школу в шесть лет.

Кидаю в сумку косметичку. В зеркале гримерной мелькает мое отражение — бледное лицо, слегка замученное после нескольких часов съемок. Но уже без разницы, красоваться на камеру больше не нужно. Впереди встреча с сыном, вкусный обед, отдых.

Однако, когда выскакиваю из гримерной и собираюсь на выход, меня ловит Лена Цитрих, звезда нашего модельного агентства благодаря своему высоченному росту в метр восемьдесят пять. Цапает за плечо так, что не убежишь.

— Лиз, тебя Сам искал, — сообщает она с плохо скрываемым злорадством.

Ленка меня недолюбливает с первого дня — считает, что

отбираю у нее хлебные места в косметических кампаниях. Вообще наше агентство — настоящий серпентарий.

— Спасибо, Лен, — цежу сквозь зубы, хотя хочется послать ее куда подальше.

Ругаюсь про себя, но иду на ковер к директору агентства, потому что приказы Самвела Борисовича игнорировать себе дороже.

Стучу каблуками по линолеуму.

Останавливаюсь у массивной двери с табличкой: «Директор».

Делаю пару глубоких вдохов, пытаюсь унять внутреннее беспокойство. Новый шеф — тот еще фрукт, и каждая встреча с ним, как хождение по минному полю.

Тихонько стучусь.

— Войдите! — раздается его низкий голос.

Толкаю дверь и захожу внутрь. Кабинет небольшой, но пафосный до неприличия. Черная кожаная мебель, стены обшиты темным деревом, на столе — позолоченная ручка и пресс-папье в виде льва.

За столом сидит Самвел Борисович. Он бы даже мог показаться мне привлекательным, ведь неплох собой, высокий, темноволосый, одет со вкусом — на нем безупречный темно-синий костюм. И лет ему не так много, что-то в районе тридцати пяти. Но выражение глаз сразу выдает в нем хищника. Я держусь от таких подальше.

Собственно, я держусь подальше от всех мужчин без ис-

ключения. Потому что никому верить нельзя.

При моем появлении директор даже привстает с места, изображая джентльмена. Однако его взгляд скользит по моей фигуре так, что хочется накинуть на себя плащ.

— Что-то случилось, Самвел Борисович? — спрашиваю, стараясь не выдать волнения.

— Лиза, — он опускается обратно в кресло и сцепляет пальцы, — у меня для тебя предложение, от которого не отказываются.

В его тоне звучит такая уверенность, что мне становится не по себе. Ненавижу таких самоуверенных типов.

— Какое? — осторожно интересуюсь.

— Журнал «М плюс Ж» хочет твоё фото на разворот. — Он подается вперед, глаза загораются азартом. — Тебе оплатят полную стоимость фотосессии. Это приличные деньги, Лиза.

Воздух в кабинете становится вязким, как кисель.

Э-э...

— Но они же снимают только ню, — выдавливаю из себя.

— И что? — Он пожимает плечами, словно речь идет о чем-то обыденном. — Для тебя это отличный повод засветиться. Потому что контракт с косметическим салоном, конечно, прибыльный, но работа в одной нише потянет тебя на дно. Тебе нужны новые ракурсы, новые горизонты.

«Потянет на дно...»

Да что он знает о моей жизни? Я на том дне уже была,

оттолкнулась и выплыла.

— Извините, я не снимаюсь голой, — говорю твердо.

— Что, совсем никогда? — В его голосе появляются металлические нотки.

— Совсем никогда.

Самвел Борисович откидывается в кресле, оно скрипит под его весом.

Пауза затягивается.

Он барабанит пальцами по столешнице.

— Лиза, я бы на твоём месте не упирался, — наконец проносит он. — Ты ведь не то чтобы в заказах купаешься. Надоест твоё лицо, и что будешь делать? До полноценной модели ты, мгом... — он делает паузу, смакуя момент, — ...недотягиваешь.

О, я в курсе, что недотягиваю. Мне для этого не хватает семи сантиметров роста, я ведь всего метр шестьдесят восемь. Торговать лицом — мой потолок.

И план по тому, как и на что жить, когда выйду в тираж, у меня тоже есть.

Из-за беременности в своё время не смогла закончить вышку, вот теперь нагоняю упущенное, мне осталось всего полтора года до магистра. Но всё это я Самвелу Борисовичу не выкладываю, разумеется. Не его собачье дело.

Директор со вкусом продолжает угнетать мою самооценку:

— Да и возраст у тебя поджимает. — Он цокает языком,

словно сочувствует. — В нашем бизнесе и двадцать лет порой много, а тебе двадцать пять, так что... А предложение хорошее. Как я уже сказал, ты получишь приличные деньги и, возможно, новые контракты. Ты знаешь, наши многие уже у них снимались.

Интересно, он правда думает, я не помню, сколько мне лет? С таким пафосом мне это заявляет...

Да, двадцать пять в модельном бизнесе — это уже почти старуха. И что теперь? Щеголять голой на камеру, чтобы всякие уроды на меня драчили?

— Извините, нет. Я могу идти?

Он молча машет рукой, иди мол. Лицо недовольное дальше некуда.

Спешу испариться из его кабинета, пока не сказала что-нибудь лишнее.

Ишь ты, чего придумал — в «М плюс Ж» меня пихнуть!

Между прочим, те из наших, кто снимался там, потом популярно рассказывали, как некоторые сильные мира сего используют этот журнал, чтобы выбрать девку на ночь. И попробуй откажи — в машину затащат, поразвлекаются как захотят, а потом еще не факт, что целой домой вернут. История Ариши до сих пор снится мне в кошмарах.

Никакие деньги мира этого не стоят.

Снимаюсь для косметической фирмы, демонстрирую лицо, и этого мне достаточно. Пусть никаких миллионов в моем кармане за годы работы в модельном бизнесе не пробега-

ло, но мне и не надо. Как-то так проживу, без них.

Выбегаю на улицу и жадно вдыхаю морозный воздух.

Зимний день на удивление погожий — солнце светит ярко, снег под ногами скрипит, воробьи чирикают на голых ветках деревьев.

Спешу на парковку к своему седану, поглядывая на часы. Черт, уже без пятнадцати час! Еще пробки поймаю, и Лешка будет ждать...

Но когда подхожу к парковке, обнаруживаю неприятный сюрприз.

Рядом с моей машиной толпятся какие-то типы с телефонами и диктофонами — явно журналисты. Облепили мою белую ласточку и ждут, как стервятники падаль.

Сердце ухает в пятки. Может, подперла кого? Но нет, я же всегда паркуюсь по правилам...

Стоит мне только подойти, как они натурально набрасываются на меня с вопросами.

— Елизавета Пронина, отчего вы скрывали, что отец вашего сына Арам Григорян? — верещит худая девица с ярко-рыжими волосами и пирсингом в носу.

— Как случилось, что он бросил вас одну с ребенком? — добавляет чудик с ежиком рыжих волос, снимая меня на камеру, закрепленную у него на лбу.

— Он вас бил, поэтому вы скрылись в другом городе?

— Вы собираетесь подавать в суд на алименты? Общественность вас поддержит! — заливается блондинка в деше-

вом пуховике.

Вопросы все сыпятся и сыпятся, но я от первого уже в полном осадке...

Имя ублюдка, поломавшего мне жизнь, бьет как молотом по голове.

В ушах звенит, ноги становятся ватными.

Арам Григорян.

Никто, ни одна живая душа, кроме матери, не знает, что он — отец моего сына. Никто не должен был узнать!

Глава 4. Одно случайное слово

Лиза

Я в полном шоке от того, что эти типы где-то раскопали, кто отец моего ребенка. Но признавать это, тем более публично, уж точно не собираюсь.

Обращаюсь к самому наглому журналюге — тому рыжему парню с камерой на лбу. Говорю, стараясь вложить в голос максимум убедительности:

— С чего вы взяли, что отец моего ребенка Арам Григорян? Это не так!

Смотрю ему прямо в глаза, стараюсь выглядеть уверенно, хотя внутри трясусь, как осиновый лист.

Журналист не ведется на мою браваду, наоборот — ухмыляется, как кот, поймавший мышь:

— Поздно отпираться, вы ведь недавно дали интервью для телеграм-канала «Кофе со звездами», там вы доподлинно признались, что он отец. Зачем теперь отрицаете правду? Замираю, как обухом прибитая, пытаюсь сложить пазл.

Интервью давала, да. Позавчера вечером.

Когда меня спросили про отца ребенка, сказала, что один подлец. Неприятные вопросы журналистки ковырнули в душе старую рану, и я не сдержалась, сболтнула лишнего. Но как из этого слова можно вычислить, что им был Арам Гри-

горян? Как?!

Я никаких имен не называла!

Да я бы себе скорей язык откусила, чем призналась в его отцовстве, ведь это равно тому, что сделать ему приглашение снова войти в мою жизнь. А это последнее, чего я бы хотела.

— Я не говорила этого! — Смотрю на журналиста, как на идиота. — Я не называла имен...

Парень обращается ко мне по-свойски, в его голосе звучит торжество охотника, загнавшего добычу в угол:

— Да бросьте, всем все ясно. Вы говорили, что забеременели на свадьбе подруги детства, а подруга у вас была одна. Люди не дураки, все выяснили... Интернет помнит все, и ваши фото с той свадьбы есть в Сети. Зачем вы теперь отпираетесь?

Я такое говорила?

Черт! Черт! Черт!

Дурища несусветная!

В памяти всплывают обрывки того вечера. Да, я упомянула свадьбу. Мне казалось, это так безобидно, так обтекаемо... В конце концов, сколько свадеб мы посещаем за жизнь? Массы.

А эти стервятники взяли и вычислили!

— Не было ничего! — Очень стараюсь держать лицо на камеру, но голос предательски срывается. — Я не знаю никакого Арама Григоряна!

— А вот он вас знает, — заявляет с азартом наглый тип. —

Сегодня утром он давал интервью для рубрики «Самородки года», и когда ему показали запись вашего интервью...

От этой информации у меня внутри все летит в свободном падении.

Эти сволочи мало того, что устроили мне засаду, так еще и самого Григоряна в курс дела ввели! Соображают, что делают вообще? На все готовы, лишь бы высосать из пальца какую-то новость.

А ведь еще недавно я никому нафиг не была нужна. Стоило засветиться в рекламе косметических салонов «Винклс», и пошло-поехало... Билборды с моим лицом по всему краю тому виной.

— Отстаньте от меня! — требую, отмахиваясь от протянутых диктофонов.

Еле умудряюсь отпихнуть настырного журналиста и прыгаю в свою ласточку.

Завожу мотор, включаю заднюю передачу. Журналисты спешат за машиной, как стая голодных волков. Камеры непрерывно щелкают.

Сдаю назад, и тут — о ужас! — чуть не врезаюсь своим уже далеко не новым седаном в чью-то дорогушую черную BMW. Водитель показывает мне средний палец и что-то орет, но слов не слышно за закрытыми стеклами.

Кое-как выезжаю с парковки и быстро уношусь прочь. В зеркале вижу, как журналисты машут руками, пытаясь привлечь мое внимание.

Притормаживаю через два квартала у какого-то магазина. Достāju телефон, нахожу в интернете то самое интервью с Арамом.

Нажимаю на воспроизведение, и на экране появляется Григорян. Такое незнакомое и в то же время знакомое лицо. Семь лет назад он выглядел совсем по-другому. Повзрослел, заматерел, и, что самое вероятное, еще больше оскотинился. Но это определенно он — его черные глаза, четко очерченные скулы, упрямый подбородок.

Слушаю его голос, и мурашки бегут по коже. Он говорит что-то про бизнес, про планы, а потом ведущий вываливает на него информацию о моем интервью.

Выражение его лица меняется мгновенно. Брови сдвигаются к переносице, челюсти сжимаются.

Как же так вышло-то?

Я ведь в своем интервью ничего такого не сказала...

Подумаешь, помянула черта всеу, да мало ли сколько я свадеб посещала. И мало ли на свете подонков? Как они умудрились все раскопать?

Да и ладно бы просто раскопали, погудели и забыли, в конце концов что тут такого. Я не настолько известная личность, чтобы мне уделять столько внимания. А вот Арам Григорян — да... Точнее, его семейка.

И что, теперь получается, он знает о своем отцовстве? По крайней мере, подозревает?

Да ничего он не знает, все, что ему даже в теории может

быть известно, — лишь догадки досужих журналистов.

Я ведь не хотела... Не хотела, чтобы это вот так всплыло!

Может, он не обратит на все это внимания? Его отец серьезный человек, бизнесмен, да и сам Арам вроде в бизнес ушел. Что ему какие-то сплетни? Поорут-поорут по телеграм-каналам да успокоятся.

В этот момент телефон в моей руке вибрирует от звонка, а номер-то какой...

Зеркальный: шесть-шесть-шесть-один-шесть-шесть-шесть.

Сердце проваливается в пятки.

Ничего хорошего я от этого номера не жду, но за каким-то чертом все же беру трубку.

Из динамика на меня льется возмущенный голос, который даже не узнаю — он хриплый от злости. Но отчего-то сразу понимаю, кому он принадлежит:

— Лиза, это что за выебоны на всю страну? Ты охренела меня подонком при всех клеймить?

Ну все... Понеслось...

Как же быстро он выяснил мой номер, я ведь сменила его давно. Наверное, у таких людей свои способы. Деньги решают все.

— Здравствуй, Арам, как поживаешь, Арам... — Нарочно делаю голос сладким. — Спасибо, что позвонил первый раз за семь лет, Арам. Но, право, не стоило так утруждать-ся...

В трубке слышится тяжелое дыхание, а потом его угрожающий тон:

— Я тебе язык в узел завяжу, если еще хоть слово мне скажешь в таком ключе, поняла?

А вот тут, батенька, окститесь, ни хрена вы мне не завяжете. Хотя бы потому, что находитесь от меня за сотни километров, и слава богу, что так.

— Зачем ты это сделала? — продолжает Арам.

Пытаюсь оправдаться:

— Я ничего не делала, просто дала неудачное интервью, журналист меня подловил на слове. Но я не хотела, чтобы так...

— Кому ты звездишь? — перебивает он ледяным голосом. — Не хотела она... Ты специально так все выставила, да? Хочешь попиариться за мой счет?

Его обвинения настолько абсурдны, что мне хочется смеяться в голос. Или рыдать. Или лучше и то и другое одновременно.

— Не льсти себе, Арам, — выдаю с презрением. — Я никогда не стала бы этого делать. И да, не хотела бы такого отца для своего ребенка.

Но он не слушает меня, давит как паровой каток:

— Будь это мой ребенок, сразу бы сказала, когда я к тебе приезжал и спрашивал. Что ж ты не призналась семь лет назад, что он мой? Шесть лет назад? Пять? Потому что тогда невыгодно было, зато теперь почуяла запах денег, да? Реши-

ла, раз однажды мне дала, выехать в рай на моих широких плечах? Ничего у тебя не выйдет!

Он продолжает говорить, а я слушаю и вспоминаю, что со мной было все эти годы.

Семь лет назад после короткого романа с Арамом я лежала калачиком в квартире матери и рыдала, потому что понятия не имела, как жить. Тест на беременность показал две полоски, в сердце рана, а в голове ноль идей, что делать.

Шесть лет назад я отвоевывала сына у болезней, потому что Лешка умудрился на первом году жизни три раза переболеть воспалением легких. Ночи напролет сидела у его кровати, слушала хрипы в маленькой груди и молилась всем богам, чтобы он выжил.

Пять лет назад занималась ровно тем же. Больницы, лекарства, процедуры. Деньги уходили, как вода в песок.

Потом билась, старалась вернуться в модельный бизнес, меняла специальность в университете, подрабатывала.

Я все это время за наше с сыном счастье билась не на жизнь, а на смерть, а он мне тут заявляет, что я на его широких плечах решила выехать в рай. Тоже мне ангел сизокрылый.

— Арам, — говорю, стараясь удержать голос ровным, — я понимаю, что ты зол, но я не называла журналистам твоего имени. Они сами все придумали, это не твой ребенок. Я уже сказала им...

— Это так не работает! — рычит он. — Ты приедешь с ре-

бенком сюда, мы вместе дадим интервью, сделаем тест ДНК и обнародуем результаты. Мне нужны стопроцентные гарантии, что мое имя не будут полоскать...

Ага, сейчас, вот прям с разбега полетела доказывать, что это не его ребенок. Особенно когда он его.

— Я уже сказала журналистам, что они ошиблись, — отвечаю твердо. — Все, больше делать ничего не буду.

— Еще как будешь! — Его голос становится просто свирепым. — Приедешь сюда и прилюдно признаешь, что нагло врала на интервью, назвала меня на всю страну подонком...

После его слов у меня появляется дикое желание развернуть машину, поехать обратно к журналистам и рассказать все как было. Во всех красках живописать, что этот надутый козел сделал со мной семь лет назад, и почему я семь лет скрывала факт его отцовства.

Но я, конечно же, этого не сделаю, потому что хочу спокойно жить. Хочу, чтобы этот урод и пальцем моего сына не коснулся.

Набираю в грудь побольше воздуха и выдаю:

— Я не врала на интервью, Арам. Отец моего ребенка и вправду подонок. Если ты считаешь себя таковым, то это сугубо твои проблемы. Я не называла тебя отцом своего сына, это выдумки журналистов, и я уже сказала им об этом. На этом все. Прощай.

— Постой, мы не договорили...

И тут мой телефон пикирует сообщением.

Ставлю Арама на удержание и проверяю, кто это.

Холодею, увидев сообщение от Марьи Петровны, учительницы Лешки: «Ваш сын избил девочку, вас срочно вызывают к директору».

После этого мне становится не до журналистов и уж тем более не до Арама. Мой сын... Мой мальчик... Что же случилось? Он ведь никогда никого не бил!

Просто сбрасываю звонок, вношу номер Арама в блок, чтобы больше не названивал.

Мчу в школу разбираться в ситуации.

Глава 5. Как она посмела...

Арам

Я смотрю на телефон и не верю собственным глазам, ушам и вообще...

Сказать, что я в бешенстве от поведения этой блондинистой пигалицы, — ничего не сказать!

Скрежещу зубами и рычу, как гребаный боевой вертолет, готовый к вылету.

Это ж надо, сколько наглости в девке!

Сначала на удержание меня ставит, а потом и вовсе скидывает звонок. Больше того, в блок ставит, будто я какой-то... Да она охренела вкрай!

Нет, я, конечно, понимал, что Лиза — ни разу не нежная роза, но чтоб такое...

Мало того, что выставила меня подонком на всю страну, так теперь еще и отвечать за слова не хочет! Впрочем, ожидаемо — нагадила и в кусты. Я не я, попа не моя, и вообще ни при чем, разбирайся, Арам, как хочешь.

Вот только она выбрала не того мужчину, чтобы шутки шутить.

Со мной вообще шутить нельзя. В принципе. Никогда!

Я откидываюсь на спинку офисного кресла, обдумывая следующие шаги.

Если Лиза считает, что может вот так меня отсечь, попросту бросив трубку, то она очень ошибается.

ОЧЕНЬ!

Ведь это никакая не проблема — узнать адрес человека, если нужно. Это так же просто, как пальцем пошевелить.

И я пошевелю... Я так этим пальцем пошевелю, что она...

Телефон внезапно оживает сообщением от человека, с которым в данную минуту мне совсем не хотелось бы общаться.

«Арам, нам нужно серьезно поговорить!» — пишет будущий тесть.

Ладно бы Милена написала, я бы понял. Молодая, глупая, наивная, лишенная способности видеть в людях плохое. Но тесть! Большой человек, бизнесмен, а верит всяким там... Неужели собрался меня натягивать из-за каких-то сплетен и желаний одной конкретной неудавшейся модели поиметь с меня денег? Собственно, хрен у него получится меня натянуть, потому что я ему не молокосос, который ничего из себя не представляет.

А Лиза... сейчас делает глубокую ошибку.

Потому что единственное, что она с меня поимеет, — так это кучу проблем на свою задницу, пусть и обалденно красивую. Уж я ей устрою такие проблемы, что она заречется имя мое произносить всуе.

Ишь ты, щенка своего моей фамилией благодетельствовать решила! Тепло устроиться за мой счет... Не удивлюсь,

если у нее там еще и люди подкуплены в какой-нибудь клинике рядом с домом. Ведь натурально меня к себе призывает, чтобы я сделал ДНК-тест на ее территории. Только зря старается, я буду делать тест в проверенной клинике, в своем городе.

А что, закажу целое журналистское расследование.

Эдакое шоу-разоблачение.

Пусть снимут мини-сериал, как эта дрянь приезжает сюда, идет в клинику, как у мальчика берут анализ для теста. Потом ее трясущиеся губы, извинения. Прилюдные, разумеется, чтобы все видели, что Арам Григорян — не тот человек, который позволит своему сыну расти безотцовщиной.

Она вообще понимает, какое это для меня оскорбление?

Да будь он мой, Лизка бы сразу ко мне приперлась, вся в слюнях и соплях, с протянутой рукой. Перво-наперво, как только узнала бы про беременность.

Нет, нет, это не мой ребенок, это Лиза так шалит, хайпануть хочет, на откупные надеется. Чем не план для фиговой модели, которая даже не догадалась переехать из Ростова в Москву, чтобы построить хоть какую-то стоящую карьеру.

Поди, рвалась, да не взяли, или ноги раздвигала недостаточно хорошо.

Таким все нипочем, главное — что-то для себя поиметь.

А то, что у Арама свадьба на носу, деловая репутация на кону, да и в принципе репутация, — то ей по боку, само собой! Только ее интересы важны, ведь так?

Пока выясняю ее адрес в Ростове, ведь по старому эта мадам почему-то более не зарегистрирована, в мой офис врывается отец.

И в каком виде врывается: глаза злющие, лицо по-прежнему в красных пятнах.

Рычит прямо с порога, и плевать ему, что в приемной секретарь:

— Ну что, Арам? Ты позвонил этой своей... — Отец показательно щелкает пальцами, будто вправду забыл имя Лизы. — Чтобы она ехала сюда для опровержения? Она едет?

— Едет, едет, — шиплю сквозь зубы. — Почти...

Если понадобится, я ее за блондинистую косу сюда притащу. И пацана ее нагулянного тоже.

Глава 6. Асоциальный ребенок

Лиза

Спешу как могу, почти бегу к классу, где занимается Лешка. Каблуки цокают по линолеуму, эхо разносится по пустому школьному коридору. Уроки уже закончились, и мой мальчик там с учителем, директором и бог знает кем еще.

Что мог натворить мой ребенок?

Не знаю, что там на самом деле произошло, но воображение уже нарисовало мне всякое. От разбитого носа маленькой хрупкой девочки до сломанной руки или ноги. Хотя мне сложно предположить, что мой кроха на такое способен.

Лешка вообще не агрессивный! Нежнятина, на рисование ходит, с акварельками возится часами. А если и дерется, то только с котом — за самое козырное место на диване перед телевизором, и то кот зачастую побеждает.

Ни на одной детской площадке, куда бы мы ни ходили, Лешка никого не бил. Даже в садике проблем не было. Правда, мы ходили в частный, потому что в обычном по пятьдесят человек в группе, и я побоялась, что моего малыша попросту затопчут, поэтому туда не отдала.

Практически влетаю в класс 1 «Б», где уже расположились главные действующие лица этой драмы.

За учительским столом восседает Мария Петровна —

маленькая, худенькая женщина пятидесяти лет, с короткой стрижкой и вечно озабоченным выражением лица. Рядом с ней стоит директор школы — Валентина Николаевна, импозантная дама в строгом костюме, с начесанными волосами и выражением лица, будто она собирается вынести смертный приговор.

Но мое внимание сразу привлекает огромная дама, сидящая прямо на первой парте. Боже мой, как она туда поместилась? Парта трещит под ней угрожающе. У женщины впечатляюще пышная прическа — что-то среднее между гнездом и башней, щедро залитой лаком. За ней и дочери не видно, такая большая. Одета в ярко-розовое платье, которое обтягивает внушительные формы, на руках — золотые браслеты, которые позвякивают при каждом движении.

Первым делом подбегаю к сыну, который одиноко сидит на третьем ряду, съежившись на стуле. Мой мальчик выглядит таким маленьким и потеряннным... Его черные глаза выражают вселенскую грусть.

— Лешенька, что ты натворил? — шепчу, присаживаясь рядом с ним.

И только тогда вижу, что у мальчика чуть припухла левая скула, а под глазом расплывается синяк цвета спелой сливы. Вздрагиваю, словно меня ударило током.

— Кто тебя так? — выдавливаю хрипло.

Лешка только опускает глаза и молчит. В классе повисает тишина, нарушаемая лишь шумным дыханием матери его

одноклассницы. Мне очевидно, что она страдает одышкой.

Огромная дама поднимается с парты и поворачивается ко мне всей своей впечатляющей массой.

— Вот именно из-за таких мамаш, как некоторые, в семьях лютует произвол! — Ее громкий раскатистый голос заполняет класс. — Мужья бьют жен, братья сестер, и на улице выйти страшно! Наверное, мальчик видит в семье плохой пример, как папа бьет маму, вот и принес эту модель поведения в школу!

От ее слов во мне что-то взрывается. Чувствую, как жар поднимается к лицу.

— Я не замужем вообще-то, — отвечаю как можно спокойнее.

— Значит, сожитель бьет! — не унимается она, звеня своими браслетами. — Всегда так. Мать-одиночка, развратность, аморальность...

Еще бы проституткой меня назвала.

— И сожителя у меня нет! — перебиваю я ее резко. — Мой сын живет со мной и моей мамой, и никто в нашей семье никого не бьет. С чего вы вообще это взяли?

— С того, что моя дочь избита! — взвизгивает женщина, размахивая руками. — Натурально садистски избита! Администрация должна принять меры. По-моему, за избиение девочек нужно исключать из школы. Таким детям место в специальном учреждении.

От ее слов я пугаюсь еще больше.

И отчего-то только сейчас замечаю за широкими телесами мамыши жертву избиения.

За партой сидит пухлая, румяная девочка, пышущая здоровьем. Если я отдала Лешку в школу в шесть лет, то эту девчонку явно отдали в восемь, потому что выглядит очень взросло для первоклассницы. Ерзает на стуле, болтает ногами и при этом абсолютно не выглядит избитой. На круглом лице ни единого синяка, ни царапинки. Ребенок совершенно цел и здоров — в полную противоположность моему сыну с его синяком под глазом.

Смотрю на эту картину и понимаю — что-то здесь не сходится. Совсем не сходится.

— Я прошу прощения, но ваша дочь избитой не выглядит. Где побои? — стараюсь держать голос ровным, хотя внутри все кипит от возмущения.

— Все зафиксировано на камеру, я требую справедливости для своего ребенка! — взвизгивает огромная дама. — Моя малышка травмирована!

Малышка?! Да эта «малышка» на голову выше моего Лешки и наверняка весит в два раза больше.

С гулко бьющимся сердцем я обращаюсь к учительнице: — А что там на камере? Вправду есть запись, как мой сын...

Мария Петровна скорбно кивает, ее тонкие губы сжимаются в ниточку. Она поворачивает к нам ноутбук.

— Посмотрите сами.

Встаю с места, подхожу к ноутбуку, а в спину мне дышит мамаша Лешкиной одноклассницы — тяжело, с присвистом.

Директриса Валентина Николаевна стоит рядом, сложив руки на груди, прямо как настоящая судья.

На экране черно-белое изображение школьного коридора. Время в углу показывает сегодняшнюю дату. Вижу, как в кадр входит пухлая девочка — та самая «избитая жертва». Она идет уверенной походкой, размахивая руками. А за ней... за ней семенит мой Лешка, такой маленький на фоне одноклассницы.

Девочка останавливается у двери класса, поворачивается к Лешке. Что-то говорит ему, размахивая руками. Мой мальчик пятится, но она делает шаг вперед. Еще один. Практически загоняет его в класс, как овчарка овечку!

— Что она ему говорит? — срывается с моих губ.

— Звука нет, — отвечает Мария Петровна, при этом не отводит взгляда от экрана.

Дальше на записи происходит то, что заставляет меня ахнуть.

Из класса стремглав вылетает эта девица, а за ней — мой Лешка с сумкой для сменной обуви в руках. Он размахивает этой сумкой и действительно несколько раз попадает ею по спине убегающей одноклассницы.

Но то, КАК она бежит! Совсем не как избитый ребенок. Скорее как тот, кто добился своего и теперь убегает, довольный содеянным.

— Подождите, — мой голос немного срывается, — а в классе что было? Лешка бы никогда не стал вот так без причины...

Мария Петровна тихо, едва слышно отвечает:

— Дело в том, что в классе камера не работает, уже обращалась по этому поводу к администрации школы, обещали починить. Но из камеры в коридоре видно, что Леша...

— Что тут видно? — перебиваю я. — Что она загоняет его в класс, а потом он взбешенный бежит за ней? Леша, что случилось в классе?

Поворачиваюсь к сыну, который все так же, ссутулившись, сидит за партой.

— Лешенька, — шепчу, подходя ближе, — скажи маме, что там было?

Но сын только отводит глаза и молчит, сжав губы, будто боится, что ответ вылетит против его воли.

— Вот видите? — торжествующе провозглашает мамаша одноклассницы. — Чует вину и молчит. Ваш сын очень профессионально действует — бьет так, чтобы следов не оставлять. А у моей дочери внутренние органы отбиты этой дебилой сменкой, небось сапоги там носит каменные...

Профессионально бьет? Мой сын?! Да он в жизни муравья не обидел! Вот мымра неугомонная!

Спешу к парте, где лежат рюкзак и сменка Лешки. Хватаю сумку — она легкая, почти невесомая. Несу ее, размахиваю перед носом этой наглой бабы:

— Вот, посмотрите, тут кеды легчайшие для физкультуры! О каких отбитых органах мы говорим? А вот у моего сына фонарь под глазом!

Тыкаю пальцем в сторону Лешки.

— Хоть бы мать постеснялась оправдывать сына... — гудит мамаша, качая своей начесанной башней. — Как можно девочку сменкой... У вас асоциальный ребенок, это видно невооруженным взглядом!

Асоциальный! Мой скромный творческий мальчик!

Внутри что-то рвется, словно натянутая струна.

— Так, мне эта клоунада надоела, — говорю, очень стараясь не сорваться на крик. — Бездоказательно линчевать сына я не позволю. Или вы прекращаете травлю моего ребенка, или я прямо сейчас поеду в больницу, сниму побои, а потом пишу заявление в подразделение по делам несовершеннолетних, пусть они разбираются с вашей дочкой! Ведь это она его ударила, так?

Беру ее на понт, ведь понятия не имею, откуда у Лешки синяк. Но реакция девочки оказывается красноречивее любых слов — она тут же отводит взгляд, щеки краснеют, начинает ерзать на стуле еще активнее.

— Лешенька сказал, что упал... — тихо встревает Мария Петровна, но голос у нее неуверенный.

— Леша? — Снова оборачиваюсь к сыну. — Это она тебя так?

Мой сын поднимает на меня глаза, обрамленные густо-

щими черными ресницами, — такие печальные, взрослые не по годам глаза. Но вместо ответа жалобно просит:

— Мам, пойдем домой...

Впрочем, и без его ответа мне лично все ясно.

— В общем так, — поворачиваюсь к ополоумевшей мамаше, — если мой сын еще раз принесет домой синяк, я обращусь куда следует по поводу вашей дочки! Похоже, проблемы не в моей семье, а в вашей, раз она маленьких бьет...

Мерю ее убийственным взглядом.

Та открывает рот, словно выброшенная на берег рыба, но слов не находит. Наконец-то они у нее закончились.

И тут выступает вперед директриса.

— Давайте все успокоимся...

Далее она выдает длинную и занудную лекцию о том, что мы должны научить своих детей мирно решать конфликты, что любые драки в школе неуместны, что надо работать с детьми, прививать им культуру общения...

Ни про какое отчисление не говорит, слава богу.

Киваю, делаю серьезное лицо, но думаю только об одном — как бы поскорее забрать отсюда Лешку и как следует с ним поговорить, понять суть конфликта. Надо же как-то решать вопрос с общением с одноклассницей. Ведь это не дело — зарабатывать синяки и размахивать сумкой со сменкой. Мне очевидно, что тут он все равно ни слова не скажет.

Однако мы с сыном оказываемся в машине только через полчаса нотаций и поучений.

Я морально истощена...

Поворачиваюсь к Лешке, проверяю, надежно ли он пристегнулся. Синяк кажется еще ярче в дневном свете из окна машины.

— Ну что, рассказывай, — прошу мягко. — Чего подрались-то? Что не поделили?

Лешка буравит меня взглядом исподлобья и молчит, как партизан на допросе. Губы поджаты, руки сложены на коленях.

Хочу выпытать у него правду, предложив взамен поездку в кафе-мороженое. Пломбир, политый шоколадом, — верный помощник для откровенных разговоров с детьми. Но отвлекает настырный телефонный звонок.

Телефон вибрирует, прикрепленный возле приборной панели.

Задолбала эта реклама... Бывает, ждешь важный звонок, берешь трубку, а там реклама стоматологии или установки окон. Наверняка это что-то из той же серии.

С шумным вздохом сбрасываю звонок.

Но незнакомый номер звонит снова. И снова. И снова! Даже после того, как сбрасываю в третий раз.

— Мамочки... — бормочу, чувствуя, как нервы начинают сдавать.

Что-то мне подсказывает, что никакая это не реклама!

Арам пытается меня достать? Похоже на шизу...

Но действительно, вскоре получаю сообщение от этого но-

мера:

«Только попробуй меня еще раз заблокировать! Я не ленивый, еще десять симок куплю!»

Точно Арам, хотя и не подписался.

Быстро набираю ответ: «Иди лесом!»

Мысленно благодарю его за идею и действительно ставлю блокировку номера. Нажимаю на экране — раз, и готово.

В своих попытках меня достать этот засранец не учел одного — я тоже не ленивая. И мне будет совсем не трудно хоть десять его номеров заблокировать.

Глава 7. (Не) курьер

Лиза

Как растить детей? Где та волшебная школа для родителей, где нам все по полочкам разложат, как и что нужно делать, где промолчать, где сказать... Где те самые универсальные формулы родительского воспитания?

КАК растить этих детей?!

Впрочем, вопрос должен звучать даже не так: как растить мальчиков?

Ровно до этого дня у меня с Лешкой не было никаких проблем. Ребенок легко шел на контакт, был отзывчив, делился проблемами, мы все с ним подробно обсуждали.

А тут как отрезало!

И даже поездка в кафе-мороженое не помогла.

Лешка съел пломбир, закусил его наггетсами, заполировал все это лимонадом и... Ничего мне не рассказал!

Я пыталась его чуть ли не клещами, закидывала удочки и так и эдак, приводила примеры из своей жизни про конфликты с одноклассниками...

Пофигу мороз, не проникся.

Когда приехали домой, лучше не стало, Лешка сбежал от меня в свою комнату и закрыл дверь.

Что делать в такой ситуации?

Что такого могло произойти в классе, раз он так себя ведет?

Четко понимаю, что если сейчас пушу ситуацию на самотек, то ничего хорошего из этого не выйдет. Леша может окончательно закрыться, озлобиться.

Мягкой походкой кошки я кружу по коридору нашей трехкомнатной квартиры, поглядываю на дверь Лешкиной спальни.

Думаю серьезные думы, как расколоть этот крепкий орешек. И никакая орехоколка мне в этом деле не поможет. Надо действовать хитростью...

Скребусь коготками в дверь Лешки, приоткрываю дверь.

Застаю сына в кровати за планшетом, он сосредоточенно водит стилусом по экрану, видимо работает с графической программой, рисует. Кончик языка слегка высунут — верный признак того, что мой художник полностью поглощен творчеством. Кстати, у парня получаются неплохие рисунки, деньги на курсы для самых маленьких были потрачены не зря.

— Творчество — отличный способ выплеснуть негатив! — зачем-то ляпаю.

Лешка поднимает на меня взгляд, полный негодования. Брови сдвигаются к переносице точь-в-точь как у меня, когда я злюсь.

Но меня никакими хмурыми бровями не проймешь...

Осторожно прохожу в комнату, стараясь не наступить на

разбросанные конструкторы и машинки. Лешкина спальня — это маленькое королевство мальчишеских грез. Я когда-то потратила кучу времени, изучая дизайнерские сайты, чтобы создать стильный интерьер на скромный бюджет. Кровать в форме гоночной машины, просторная игровая зона, на стенах — постеры с супергероями и картинки, которые Леша рисовал сам.

Подхожу к кровати, усаживаюсь на краешек — поближе к Лешке, стараясь не нарушить его личное пространство слишком резко. Матрас чуть проседает под моим весом, а сын недовольно косится в мою сторону.

Заглядываю в планшет.

Леша уже успел наваять кособокого жирного монстра с огромными зубищами и злобно сощуренными глазками. Символично, блин.

Впрочем, Лешка почти мгновенно выключает планшет, смотрит на меня с таким видом — типа тебе пора, мам.

— Ну что ты от меня закрываешься? Я же мама твоя. — Ласково треплю его густую черную шевелюру.

Волосы мягкие, пахнут детским шампунем с запахом яблока.

— Мам, ты не отстанешь, да? — пыхтит он.

Офигеть, блин, заявочки от шестилетнего мальчика.

— Нет, не отстану, — честно признаюсь, смотрю ему прямо в глаза. — Потому что это не дело — синяки зарабатывать и лупить одноклассниц сменкой. Не дело, Леш. Расска-

жи мне, что случилось.

И снова молчок. Только тиканье будильника на тумбочке да гул машин за окном.

В эту минуту меня затопляет чувство тотальной беспомощности. Хочется закричать и уже как-то заставить его объясниться.

— Сынок, что ты хочешь, чтобы я сделала? Я выполню одно любое твое желание за четкие и внятные объяснения происходящего. И я не выйду из этой комнаты, пока ты не согласишься. Давай!

Лешка с чувством вздыхает.

— Пиццу на ужин закажешь? — озвучивает он тариф.

— Какая пицца? У тебя на обед и так был фастфуд. Так что супчик и...

— Пицца за рассказ... — перебивает он, скрестив руки на груди в позе маленького переговорщика.

Мне настолько любопытно, что я соглашаюсь:

— Хорошо, выкладывай!

— Весь класс меня с этой Юлькой шипперит! — выпаливает он и снова замолкает, будто выдал мне исчерпывающие объяснения.

— Э-э... Шипперит? — Не понимаю, о чем он. — Что это значит вообще?

Леша смотрит на меня, как на деревню, закатывает глаза с таким видом, будто я только что спросила, что такое интернет.

— Мам, ну элементарно же... — вздыхает он. — Это когда дразнят! Типа я и эта Юлька вместе, встречаемся, все такое. Они постоянно поют: «Леша и Юлька — сладкая парочка!»

В моем детстве это называлось: «Тили-тили-тесто, жених и невеста»...

А я ведь не старая совсем, мне двадцать пять. Однако такого термина не слышала. Видимо, современные дети модернизировали даже дразнилки.

Слово-то какое подобрали — «шипперит»... Аж у Яндекс-са хочется спросить подробности.

— Сыночек, а почему они вас так дразнят? Откуда это пошло? — осторожно выведываю, стараясь не спугнуть его откровенность.

— А я знаю? Я вообще не в курсах! — Леша машет руками. — Эта Юлька бесится, типа чтобы я, клоп, ни на что не рассчитывал, прохода не дает, все пытается мне это втулить в мозги. Других подговаривает, чтобы со мной не дружили! А я вообще Натку люблю...

Вот это откровения. Прямо в сердечко.

Недаром говорят, что самые бурные страсти кипят в детском садике и начальной школе. Настоящая «Санта-Барбара» у них там разворачивается.

— Кто такая Натка? — осторожно спрашиваю.

Сын снова смотрит на меня, как на дурочку, тяжело вздыхает:

— Ну Натка, Наташа. Помнишь, ты мне месяц назад помогала выбрать для нее подарок на день рождения? Нас еще в кафе приглашали, ты сказала, что у девочки приличные родители.

А-а, это помню.

Миленькая блондиночка с голубыми глазами, очень воспитанная. Но тогда я два плюс два не сложила. Ишь ты, первая школьная любовь у моего сына, а я даже не в курсе.

Впрочем, с чем с чем, а с девочками у Лехи никогда не было проблем. Слишком у него смазливое личико. Пухлые губки, огромные глаза с такими ресницами, что мне остается только завидовать, к тому же он общительный, и увлечений у него много. И в средней группе садика у него подружка была, и в старшей. Не дай бог, в папашу пойдет — видела я в его соцсетях, как быстро меняет девчонок. Но оскотиниться, как Арам, я своему сыну не позволю. И точка.

— Я поговорю с мамой Юли, чтобы она успокоила свою девочку. Потому что это не дело — подговаривать весь класс...

— Мам, пожалуйста, не лезь! — Леша аж подскакивает на кровати, глаза расширяются от ужаса. — Ты только хуже сделаешь!

— А что делать тогда? — Развожу руками. — Ты вон уже синяк заработал и Юльке сумкой двинул по спине, хорошо это, что ли? Кстати, расскажешь, как именно так получилось с твоим лицом?

— Это неважно... — отмахивается он, отводя взгляд в сторону. — Мам, я больше не буду ее бить. Все, мы уже закончили разговор?

— Но мы же не решили проблему!

— Я сам все решу, без тебя, — заявляет он, выпрямляя спину. — Я мужчина.

Вот так... В шесть лет он уже мужчина.

А ведь и правда — если влезу, могу сделать хуже. Потому что эта Юлька вполне может обидеться на Лешу еще больше и усилить нажим. Может быть, она такая же шибанутая, как ее мамаша.

Но делать-то что? Класс менять? Школу? И как тут что поменяешь, если уже имеется любовь по имени Наташа.

— Мам, иди уже... — Леша натурально меня выпроваживает, демонстративно достает планшет.

И вправду ухожу, потому что предложить ему ничего дельного все равно не могу.

Мне надо подумать.

Что вообще можно посоветовать первокласснику в такой ситуации? И что-то мне подсказывает, что эта самая Юля и подговорила ребят, чтобы шипперили ее и Лешку. Может, он вообще ей нравится, вот она ему прохода и не дает? Или это бред? Кстати, как быстро это слово шипперить вошло в мой лексикон...

Еще некоторое время брожу по квартире в раздумьях, вожусь на кухне, прибираю.

Вспоминаю, что обещала заказать пиццу.

Потом звоню маме, которая уехала отдыхать с подружками на зимний курорт. Гинеколог высшей категории, может себе позволить покататься на лыжах.

— Мам, а ты знала, что такое шипперинг?

Рассказываю ей в деталях все, что сегодня произошло. Мама охает, удивляется, потом начинает мне советовать книгу по психологии школьников, которую сама недавно читала.

В этот момент слышу дверной звонок. Резкий, настойчивый — два коротких сигнала.

Прощаюсь с мамой, откладываю телефон, иду к двери.

На часах уже семь вечера — как раз время доставки.

Быстро смотрю в глазок, вижу курьера в фирменной синей куртке и красной кепке, открываю.

— Подождите секундочку, я сейчас возьму кошелек, — прошу, не особо вглядываясь в лицо курьера.

Отворачиваюсь от двери, делаю пару шагов к полочке в прихожей, куда обычно ставлю сумку. Роюсь в поисках кошелька.

И вдруг слышу скрип открывающейся двери.

Оборачиваюсь и офигеваю.

Здоровенный плечистый курьер нагло заходит в квартиру. Хотя я не приглашала! Четко просила подождать на лестничной клетке.

Я в шоке пячусь, пытаюсь сообразить, куда сунула газо-

вый баллончик, потому что ситуация мгновенно переходит в категорию «Опасная».

И тогда он снимает кепку...

Через секунду я понимаю, что передо мной никакой не курьер.

Арам Григорян собственной персоной.

АРАМ ГРИГОРЯН!

Земля уходит из-под ног.

В голове роится тысяча вопросов. Как нашел? Зачем вообще пришел? Какого лешего вламывается в мою квартиру?! Откуда у него форма службы доставки? Очень вряд ли он там подрабатывает, хотя у него в руках именно что коробка с пищей.

— Что ты здесь делаешь? — только и могу вымолвить, прижимаясь спиной к стене.

Арам обдает меня презрительным взглядом, шумно дышит и цедит сквозь зубы:

— В глаза посмотреть пришел. И взять ДНК-анализ у твоего сына.

Мое сердце пропускает пару ударов. Нет! Нет! Этого никак нельзя допустить!

Да как он вообще смеет спустя семь лет являться вот так внаглую и что-то там требовать?

— Я не разрешаю никакого анализа! Ты ему никто!

— Я не спрашивал твоего разрешения, — он цедит каждое слово.

Как назло, в прихожую выбегает Лешка — босиком, в домашних штанишках и любимой футболке с Человеком-пауком — и тараторит:

— Пиццу привезли? Пицца! Пицца!

Эти двое никогда не должны были встретиться.

Сынок тормозит в паре шагов от нас, удивленно разглядывает гостя, а тот смотрит на него.

По вытянувшейся физиономии Арама я сразу вижу, что никакой тест ДНК ему уже не нужен.

Ведь мой сын — копия папы.

Глава 8. Нежданно-негаданно

Арам

Пацан все прыгает и прыгает, радостно поглядывает на коробку с пищей, которую держу в руке. Глаза горят, как у щенка, который увидел косточку.

Зато Лиза смотрит на меня волком и шипит:

— Ни слова не говори! Ни слова, мать твою...

Впрочем, сейчас она для меня — фон.

Все, что вижу, так это ребенка...

Волосы черные как смоль, щеки румяные, губы пухлые, подбородок волевой.

Красивый пацан.

Оно, конечно, само по себе ни о чем не говорит, что природа раскрасила наши глаза и волосы в один цвет, мало ли на свете смуглых людей. Даже если мать блондинка. Но... У меня есть два племянника его возраста — чуть старше. Близнецы, как и мы с Артуром. К тому же брат заделал их своей блондинке-жене, опять же на Лизу чем-то похожей. Так вот, эти пацаны и Лизкин сын — копии.

Я стою в прихожей как истукан и будто на племяша своего смотрю.

Только это ни хрена не племяш.

Сын.

МОЙ сын.

Ко всему прочему, у него на левой щеке родинка, точно такая же, как была у меня в детстве.

Финальный аккорд.

Сомнений больше никаких.

У меня все это время был сын...

Осознание этого пробуждает во мне такую бурю эмоций, что удержать их в себе почти невозможно.

Сердце колотится, как отбойный молоток, в висках пульсирует, кулаки сами собой сжимаются и разжимаются.

Хочется сразу и заорать от ярости, и схватить пацана в охапку, и придушить Лизку за то, что скрывала. Термоядерный коктейль из бешенства, умиления и какого-то первобытного восторга.

Голова идет кругом.

Лиза будто угадывает мое состояние, снова шипит:

— Ни слова, мать твою!

Выхватывает из моих рук коробку с пиццей, вручает ее пацану.

Говорит ему ласково:

— Лешенька, иди на кухню, лопай сколько хочешь.

— Ура! — верещит он звонко, по-детски.

И тут же уматывает в указанном направлении. Слышу, как шлепает босыми ногами по паркету, потом хлопает дверь.

Лешенька...

Ядрена Матрена, она назвала его Лешенькой! Алексей,

значит. Более неподходящее имя для моего сына и придумать сложно. Какой нахрен Алексей? У нас в роду все имена армянские — Мигран, Арам, Артур, Авет... А тут — Леша. Как дворняжку какую, назвала.

— Ты... Ты... — Я настолько ошарашен и взбешен, что даже не могу соединить слова в предложения.

Зато Лиза мгновенно ориентируется в ситуации.

Припечатывает к моему торсу свои маленькие ладони и натурально выпихивает из квартиры. Причем действует, как бульдозер. Я ни за что бы не подумал, что в хрупкой девушке, которая весит вдвое меньше меня, есть столько силы.

Секунда, и я уже на лестничной клетке.

Оно, может, и правильно, что выталкивает — не при ребенке же ее матом крыть, мать все-таки. А матом крыть хочется так, что еле сдерживаюсь. Аж скулы сводит от напряжения.

Однако Лиза норовит удрать обратно в квартиру. Видимо, не хочет выслушивать. А придется...

Хватаю ее за тонкое запястье, задерживаю на месте.

Хрена с два она сбежит сейчас.

Мы остаемся на лестничной клетке вдвоем, дверь захлопывается с глухим звуком.

Лиза дергается, пытается вырваться.

— Пусти меня немедленно!

Глаза у нее при этом сверкают аквамарином. Красивая, зараза. Даже в такой ситуации красивая.

— Даже не подумаю, нам надо поговорить! — Сжимаю ее руку крепче.

Не больно, но так, чтобы стало ясно — не отпущу.

— Неужели не понятно, что я не хочу с тобой разговаривать? — не унимается она. — Где ты вообще нарыл эту форму курьерскую... Проник обманом! Пиццу припер, откуда только взял...

— Купил пиццу у курьера, — цежу сквозь зубы. — Встретил его внизу, в подъезде, узнал, что к вам.

— И куртку с кепкой купил? — Она не верит, качает головой.

Чего не сделаешь ради конспирации. Мне нужно было, чтобы она сто процентов открыла дверь.

— И куртку... — отвечаю. — Какая разница сейчас? Это вообще неважно! Когда ты собиралась сказать, что родила от меня?

По ее злющему лицу понимаю — никогда не собиралась.

Лиза сжимает губы в тонкую линию, выставляет вперед подбородок.

А до меня неожиданно доходит, что если бы не гребаный репортаж, то я бы так и не узнал о ребенке. Жил бы себе и жил, и не догадывался, что где-то там за триста километров от Краснодара живет моя кровь и плоть. Мой наследник, продолжение рода Григорянов.

И... Понимание этого махом обрушивает все то, что я знал о Лизе. Точнее, думал, что знал. Нет, ей не нужны мои

деньги, она на более дорогое разинула рот — на моего сына.

Считай, она украла у меня ребенка и семь лет держала в тайне.

— Это не твой ребенок! — возмущается она. — И я вообще не понимаю, зачем ты меня преследуешь...

Нагая, неприкрытая ложь.

Даже если бы я не видел сейчас парня собственными глазами, все равно понял бы это, ведь у нее все на лице написано. Взгляд бегающий, сама стоит трясется, дышит часто, грудь то и дело вздымается. Обалденная, кстати, грудь в черном облегающем топе, под который она не надела лифчик. Соски проступают сквозь ткань, ведь на лестничной клетке прохладно. Замечаю это на автомате, все-таки я мужчина.

Впрочем, мне сейчас не до разглядывания ее сосков.

Достаю из кармана мобильник, открываю галерею с фото, нахожу портрет племянников — недавно Артур присылал, хвастался пацанами. Тычу экран Лизе прямо в лицо.

— Смотри сюда! Найдешь десять отличий с Лешкой? Правильно, не найдешь, потому что нет их. Кровь не водица, в нашей семье сильные гены, ты не от какого-то там гондона рожала, а от меня. Сразу видно — мой сын!

Лиза даже не смотрит на фото, отворачивает голову:

— Ничего и не твой...

— Вот почему тест ДНК не хотела, так? — цежу сквозь зубы. — Скрывала? На кой хер? Я же приезжал к тебе, пока была беременная, я же держал на контроле... Зачем ты

врешь мне сейчас? Как посмела вообще? Еще и именем каким дурацким назвала...

— Как же я должна была его назвать? — очень натурально удивляется она.

— Миграном, конечно же! — громко возмущаюсь. — В честь моего отца! Тут и вариантов других не может быть, первенец же. Мой первенец.

— У моего сына в графе отец прочерк! — Лиза тоже повышает голос, но все равно видно, как сильно волнуется. — По документам ты ему никто и звать тебя никак. И никогда моего Лешеньку никаким Миграном звать не будут, понял? А теперь катись отсюда колбаской, пока я не вызвала полицию!

Катись колбаской...

Мать ее так, как же это бесит! Говорит со мной, как с каким-то придурком районным.

— Твоего?

Я зло посмеиваюсь, отпускаю ее руку и упираюсь ладонями в стену над ее головой.

Нависаю.

— Твоего, Лиза? Прочерк, значит? Да у пацана на лбу написано, что он Григорян! Наш он...

— Он никогда не будет Григоряном! — Она отшатывается, плотнее прижимается спиной к стене. — И ты не будешь иметь к нему никакого отношения. Я не позволю, чтобы всякие там...

— Поосторожнее со словами, Лиза, — перебиваю, наклоняюсь ближе. — Чем сильнее со мной поругаешься, тем хуже тебе будет потом. Хочешь не хочешь, а пацана я у тебя заберу. И прочерк в его свидетельстве исправлю... У него есть отец!

— Ты с ума сошел? — Ее голос срывается на визг. — Да я костями лягу, но не отдам его такому... такому...

— Заберу еще как! — Я выпрямляюсь, убираю руки от стены. — Мяукнуть не успеешь, как выиграю суд! У меня деньги есть, связи, адвокаты лучшие. А у тебя что? Справка о доходах неудачливой модели?

— Ты серьезно, что ли? — Лиза смотрит на меня, как на сумасшедшего. — В суд собрался? Это с каких это пор суды детей отцам раздают, которые детей в глаза не видели до шести лет? Ты хочешь лишить его родной матери?

— Матери он не лишится, нет, — усмехаюсь, складывая руки на груди. — Прицепом пойдешь, поняла? Пакуй вещи, ты переезжаешь в Краснодар.

— Я сейчас же... — Лиза хватается за телефон, который торчит из кармана ее джинсов. — Немедленно вызываю полицию! И сама подам на тебя в суд за преследование! Получу постановление о том, что ты не сможешь к нам приближаться на километр, тогда посмотрим, как ты выиграешь разбирательство! Ты даже не представляешь, какая я упертая, ты...

— Будет, как я сказал, — перебиваю ее, разворачиваюсь к лестнице. — Точка. Готовься! Я звоню своему адвокату.

Обдаю ее последним яростным взглядом и направляюсь к лифту.

Надо уходить, пока не натворил чего лишнего. А то нена-роком придушу ее здесь, на лестнице, и пацан без родителей останется.

Глава 9. Мозг операции

Арам

Я расхаживаю по номеру отеля, как зверь в клетке.

Заселился сюда, пока решаю вопросы в Ростове. Номер, правда, паршивый — интерьер максимум на тройку, ковролин воняет сигаретами и какой-то химией, но сейчас мне не до удобств. Заехал в первое попавшееся место поближе к дому Лизы.

Веду телефонные переговоры со всеми подряд — с отцом, с братом, с адвокатом... И, естественно, с мамой.

Куда ж без ее ценного мнения! Она же эксперт по семейным вопросам. Доморощенный... Все отец виноват — тут же ей доложил, как обстоит дело.

Мама вещает озабоченным тоном:

— Арам, ты понимаешь, что своими агрессивными методами только навредишь сыну? Ты же понимаешь, что суд — это стресс для всех. К тому же Лиза его растила с младенчества, а ты для него чужой дядя, поэтому...

— Вот именно, мам! — пытаюсь донести до нее свою правду. — Родной отец из-за нее для ребенка лишь чужой дядя! Справедливо это? Эта ненормальная ведь соврала мне семь лет назад, когда я спросил, чей ребенок у нее в животе. Это она виновата во всем!

Останавливаюсь у окна, смотрю на серые дворы Ростова. Город какой-то унылый, даже солнце сквозь облака еле пробивается.

— Ну... Тогда на свадьбе Артура Лиза показалась мне очень адекватной и хорошей девочкой. — Голос матери становится мягче. — Если честно, мне непонятно, почему она так с тобой поступила. Может, какое-то недопонимание? Вы плохо расстались?

— Э-э...

Закрываю глаза и вспоминаю ту ночь.

Как я сразу после того, как кончил, обозвал Лизу блядью за то, что соврала про девственность. Еще и выгнал из номера тут же... Пристыдил по полной программе.

В общем, о таком матери не расскажешь. А если расскажешь, она ведь весь мозг выест ложечкой. Они с отцом вообще мастера по части выедания мозга мне и брату. Только сестра у них всегда милая и хорошая, святая, блядь, непорочная.

Но... Ладно, да, согласен, поступил я с Лизой той ночью не слишком хорошо, хоть и отчасти справедливо. Опять же, да, возможно у нее были свои причины считать меня после этого сволочью.

Но одно дело — надуть губы и срулить наутро в свой гребаный Ростов. Ведь даже не подождала, пока я остыну, как-то приду в себя! И совсем другое — нагло врать про беременность. Она ведь своим враньем две судьбы разрушила.

Мою и сына.

Прям гордая какая, обидели бедную девушку, и все — ненависть на всю жизнь. Про ребенка не скажу, трубку не возьму, нормально не поговорю.

Хлопаю ладонью по подоконнику.

— Мам, да она вообще неадекват! Как такой... Как ей вообще можно доверять ребенка? Тем более что она явно хреново о нем заботится!

Когда это говорю, сразу вспоминаю, как пацан обрадовался несчастной пицце, будто не ел ее никогда. Глаза загорелись, тут же схватил коробку и убежал. У меня аж сердце сжимается от воспоминаний. Наверное, Лиза его плохо кормит. Да и одет был, скажем так, не в брендовые шмотки. Какая-то майка застиранная, штаны закатанные, даже, по-моему, в катышках. Мне очевидно, что она на нем экономит. На моем сыне экономит!

— Нутром чую — хреново заботится, — продолжаю, снова расхаживая по комнате. — Не удивлюсь, если он у нее зашуганный, небось затрещинами его воспитывает и поджопниками. Кстати, забыл самое главное — у него под глазом здоровенный такой фонарь, его за километр видно! Влупила, наверное, за что-то. С нее станется, с такой-то мегеры... НЕАДЕКВАТ!

В трубке слышу, как мать резко втягивает воздух:

— Ужас какой! Прям фонарь?

— Ага, здоровенный, — киваю, хотя она меня не видит.

— Адвокат сказал, это можно пришить к делу, но нужно снять побои. А кто ж мне даст пацана, чтобы я эти побои снял? Надо что-то срочно предпринимать. Потому что я не позволю, чтобы всякие там дряни обижали моего сына!

— А... Ты уверен, что это она его бьет? Ты это видел? — с сомнением спрашивает мать.

— Ты прослушала, что ли? — Мое раздражение нарастает, как цунами. — Я тебе объясняю, здоровенный фонарь...

— Это плохо, конечно, но еще ни о чем не говорит, — цокает языком мама.

— Как это не говорит? Кричит!

— Я бы с тобой согласилась, но я тоже мама. — Ее голос становится спокойным, рассудительным, и это бесит еще больше. — Хочу заметить, что наличие синяков у детей совсем не говорит о том, что родители их бьют. Вспомни свое детство, как часто ты ходил с синяками? Мы с отцом вам их не ставили, вы с Артуром вполне справлялись с этим сами. Может и мальчик с кем-то подрался, не поделил что-то с другом. Это так, к примеру.

Останавливаюсь как вкопанный.

На это мне ответить нечего.

Потому что и вправду дрался с братом, одноклассниками, дворовой шушерой... В общем, было, да. И с носом разбитым ходил. И с фонарями под глазами, да чего только не было. А мать и вправду ни разу меня за всю жизнь не ударила.

Отец — да, бывало, ремнем доставалось, но мать... Она

всегда была мягкой.

Именно поэтому я не буду лишать Лизу родительских прав. Только в крайнем случае. Должна быть у ребенка мать, как без нее?

— Мам, — цежу сквозь зубы, — ты зачем мне такую линию защиты портишь? Заделалась адвокатом Лизы? Ты вообще за кого?

— Я за внука, а ты за кого? — В ее голосе появляется сталь. — Мой тебе совет, сыночек, разузнай, что и как. Спокойно поговори с Лизой, объясни ей, что ты не враг своему сыну, что хочешь принимать участие в его жизни. Там, глядишь, и без суда обойдетесь, сходите в ЗАГС, оформишь отцовство. Тогда можно и решать вопрос переезда Лизы в Краснодар. Хотя, конечно, я не думаю, что твоей невесте это понравится. Ты с ней хоть говорил?

Невесте...

Нет, я с ней не говорил!

Потому что еще ничего не решено, и вообще Милена с ее отцом думают, что сын не мой. Я ведь только пару часов назад узнал про свое отцовство. И вообще, мне сейчас не до разговоров с невестой, меня тут сына лишают, голова забита другим. Милена на данный момент где-то в конце списка.

Когда решу вопрос с Лизой, поставлю Милену перед фактом. Но для начала нужно определиться с этими самыми фактами.

— Мам, с Миленой я разберусь сам, — отвечаю коротко,

массируя переносицу.

От всех этих разговоров голова трещит.

— Хорошо, разбирайся. Но учти, если что, я могу приехать и по-девичьи с Лизой...

— Вот только не надо этого! — взрываюсь. — Я сам!

Еще не хватало, чтобы они спелись.

Лиза ведь еще та актриса погорелого театра, расплачется перед мамой, нажалуется на тяжелую женскую долю, и та ее пожалеет, ведь сердобольная не в меру. И все закончится тем, что я буду платить львиную долю алиментов, а ребенка мне будут выдавать в лучшем случае на каникулы. И никто никуда не переедет.

А то, что Лиза вместе с сыном отправятся со мной в Краснодар — вопрос решенный. Не обсуждается. Потому что ребенок должен расти с отцом, а не как бурьян-трава.

Я бы вообще проигнорировал советы матери, но адвокат по семейным делам советовал мне ровно то же самое. Наладить, етить его налево, контакт с матерью. Найти общий язык, показать, что я адекватный отец, готовый к диалогу.

А как этот контакт наладишь, когда она — неадекват? Даже разговаривать со мной не хочет. Хлопает дверью прямо в лицо, визжит как потерпевшая, полицию грозит вызвать.

Все характер сучий! Ее. Не мой.

Глава 10. А в это время...

Лиза

Я сижу на детской кровати рядом с Лешкой, который устроился на пледе в позе эмбриона — подтянул коленки к груди, учебник литературы зажал между ногами.

— Давай, сынок, последний раз повторим стишок, и все, — прошу его ласково.

Лешка кривится, будто я заставляю его съесть лимон целиком:

— Мам, ну я же уже знаю! Сто раз повторил!

— Шесть строчек всего, солнышко. И ты их действительно знаешь, но вчера перед сном тоже знал стих про осень, а утром забыл половину.

День выдался настолько нервный, что к вечеру голова не работает ни у меня, ни у сына.

После того как Арам объявился на пороге, я хожу как в тумане. Мозг гудит от обилия мыслей, и все как одна нехорошие, а грудь сжимается от страха за будущее.

Пыталась готовить ужин — едва не порезала палец, рассыпала соль.

Пыталась проверять у Лешки математику — сама чуть не наделала ошибок в простейших примерах. Вот настолько у меня сейчас плохо с восприятием действительности.

А сейчас сижу и смотрю на учебник, и так хочется за-
прятать его подальше, но за невыученный стих учительница
вполне может вклеить Лешке двойку.

— Ладно, — вздыхает Леша, поправляя съехавшую пижа-
му. — Но только если ты сначала прочитаешь. А то я забыл,
с каких слов начинается.

Беру у него учебник, пытаюсь сосредоточиться на тексте.

— «Заколдован невидимкой, дремлет лес под сказку
сна...»

Но тут, как назло, мой телефон начинает вибрировать
звонок.

Мысленно стону от досады, смотрю на экран.

Там опять красивый зеркальный номер — семерки и вось-
мерки выстроились в идеальной симметрии.

Арам их пачками закупает, что ли? Или просто помешан
на красивых номерах, как и на всем остальном дорогим и
показушном?

Сбрасываю звонок, потому что не в силах с ним говорить.

Понимаю, что придется, особенно после того, как он при-
знал в Лешке сына. Но сейчас не могу, и все тут. Ведь меня
до сих пор колотит от его слов про адвоката, суд и прочее.
Все самое плохое, чего я боялась семь лет, сегодня случи-
лось.словно ядерная бомба взорвалась в моей тихой, раз-
меренной жизни.

И непонятно, насколько серьезно Арам настроен.

Есть ма-а-аленькая надежда, что все сказанное им сегодня

было брошено в гнев.

Раньше я довольно много общалась с Настей, той самой подругой, которая вышла замуж за брата Арама. Она рассказывала, что мужчины этой семьи шумные не в меру, гонористые, взрывные, но справедливые и в душе хорошие.

После того случая на свадьбе я свела общение с подругой на нет, особенно когда узнала о беременности. Потому что не хотела, чтобы информация просочилась к Араму. Но Настя успела порядком рассказать про семью Григорян.

«Они сначала наорут, а потом извинятся и цветы принесут», — смеялась она.

Так что я все же надеюсь, что это Арам так вспылит. Что завтра остынет и поймет — нельзя просто так врываться в чужую жизнь и переворачивать все с ног на голову.

Но вдруг нет? Вдруг он вправду на голову отбитый, именно такой, каким я его помню: самоуверенный, наглый, привыкший брать то, что хочет? Угрозило же меня тогда с ним переспать... Одна ночь, и вот результат.

С другой стороны, не переспала бы, не было бы Лешки, а как я без него? Я себя без него не вижу... Он же мое все, моя жизнь, мой смысл. И никакому Араму я его не отдам. Только через мой труп! Уж тем более никуда с этим типом не поеду.

Он ведь женщин в грош не ставит. Меня — так уж точно.
— Мам, ты чего? — Лешка трогает меня за руку. — Ты так странно дышишь.

Понимаю, что сижу, сжав кулаки, и пыхчу как паровоз.

Надо взять себя в руки.

— Все хорошо, сынок. Просто устала сегодня.

Телефон снова звонит — опять этот же номер. Экран светится холодным синеватым светом, вибрация отдается в руке.

Хоть отключай его нафиг!

Или блокируй звонившего, или меняй номер. Но все это временные меры. Потому что Арам найдет мой новый номер легко — у него же связи есть, как он сам хвастался. Еще легче заполучит новый номер для очередного звонка.

Проще взять трубку и понять, что ему нужно.

Как раз и узнаю, есть ли в нем хоть капля адекватности.

— Лешенька, — говорю максимально спокойным голосом, — пожалуйста, почитай сам стишок, а я поговорю по телефону и вернусь, хорошо?

Смотрю на сына и четко понимаю: стоит мне выйти за дверь, как он закинет учебник подальше и снова рванет к планшету рисовать пухлых монстров с косичками. И всех как одного подпишет: «Юлька дура...»

— Обещаешь учить? — Строго смотрю на него.

— Обещаю-обещаю! — кивает он, но глаза уже косятся в сторону планшета.

Выхожу из комнаты, прикрываю за собой дверь.

Телефон вибрирует третьим звонком, и именно эта настойчивость выводит меня окончательно. Прямо минуту не мог мне дать на решение перезвонить? Или подумать? Или

просто перевести дух?

Все-таки беру трубку и, не сдержавшись, выпаливаю:

— Как ты меня достал своими звонками!

— Кхм-кхм... — слышится в динамике чей-то недовольный кашель, а потом незнакомый голос отвечает: — Здравствуй, Лиза, это Мигран Аветович беспокоит, отец Арама.

Час от часу не легче.

Сердце проваливается куда-то в живот. Значит, Арам уже семье рассказал? Уже всех поднял на уши? А я еще надеялась, что он просто сорвался...

Что от меня понадобилось его отцу?

Глава 11. Голубь мира

Лиза

Пока я пытаюсь поймать сбившееся дыхание, в трубке слышится возглас отца Арама:

— Елизавета, ты меня слышишь?

Его густой бас врзается в барабанные перепонки с такой силой, что кажется — гремит на весь коридор. Может, даже в спальне Лешки его слышно. Это, конечно, очень вряд ли, но на всякий случай убегаю на кухню, прикрываю за собой дверь.

Опираюсь спиной о дверной косяк, пытаюсь взять себя в руки:

— Да, да, эм...

Черт! Напрочь забыла, как его зовут!

— Мигран Аветович, — подсказывает он со значением.

Слышу в его интонации некую снисходительность. Как будто он уже понял, с кем имеет дело: с перепуганной матерью-одиночкой, которая даже имя запомнить не может.

— Я хотел бы с тобой поговорить в спокойной, конструктивной форме, это возможно?

Он говорит размеренно, вкрадчиво. Почти гипнотически. Подхожу к кухонному столу, падаю на стул.

Со вздохом отвечаю:

— Да, конечно, извините за резкое начало. Я думала, это звонит Арам. А у нас с ним... Не вышло диалога, в общем.

Он тяжело вздыхает на том конце провода:

— Я в курсе всего, что произошло между тобой и моим сыном. Мне все известно.

О как... В курсе он, все знает.

Интересно, что входит в это «все»? Наша ночь семь лет назад, когда был зачат ребенок? Или только наша сегодняшняя ругань? А может, и то и другое?

Машинально перебираю конфеты в вазочке. Руки должны быть заняты, иначе начну грызть ногти от нервов.

Задавать вопросы не спешу, потому что хочу понять, зачем он решил позвонить.

— Лиза, — продолжает Мигран Аветович по-отечески, — не нужно воспринимать нашу семью как врагов. Я выступаю сейчас в качестве голубя мира, ведь мы с матерью желаем только добра и Алексею, и Араму... И тебе...

Последнее он произносит с особым значением, растягивая паузу.

Надо же, наконец-то хоть кто-то из их семьи адекватен. Ура!

Может, отец поставит Арама на место? В самом деле, его сынок пришел ко мне незванным гостем и давай качать права, прицепом меня вместе с сыном забирать. Кто так делает?

Я понимаю, ситуация у нас с Арамом сложная, но не решать же ее запихиванием меня и сына в багажник и насиль-

ственным перемещением в Краснодар, так?

— Мигран Аветович, я очень рада, что вы позвонили. Я понимаю, что Араму не понравилось, что я скрыла факт беременности, но у меня были причины так поступить. Если вы поговорите с сыном, и он...

Мигран Аветович спокойно, но настойчиво перебивает:

— Я рад, что в тебе есть доля благоразумия. Честно сказать, сначала, когда вся эта история всплыла в медиа, я был уверен, что ты просто хотела получить с Арама какие-то деньги. Сама понимаешь, в каком мире живем, каждый норовит урвать сладкий кусок задаром...

Я хлопаю ладонью по лбу. Проклинаю себя за то чертово интервью, где призналась, что забеременела на свадьбе. Надо же было такое ляпнуть! И надо же было журналистам докопаться до правды и связать все воедино.

Но я ведь там ни слова про деньги не сказала! Даже не намекнула. Почему отец Арама сделал такие выводы? Неужели он думает, что я семь лет вынашивала план, как содрать с его сына алименты? Глупо же.

— Мигран Аветович, я не хотела никаких денег. Я вообще не предполагала, что журналисты раскопают ту историю, как-то свяжут Арама с моим ребенком. Я...

— Успокойся, Лиза, — он снова перебивает, но голос звучит мягко, почти ласково, — я ни в чем тебя не обвиняю. Раз уж ребенок наш, мы готовы и очень рады принять его в семью. Не стоило тебе, конечно, скрывать беременность. Та-

кие вещи в первую очередь бьют по ребенку. Но и ни в каких судах и войне за опеку я также не вижу смысла.

Фух... И вправду адекватный человек. Слава богу!

Хоть кто-то в этой семье дружит с головой.

В груди теплеет от облегчения. Может, все не так страшно? Может, получится договориться по-человечески?

Но тут Мигран Аветович продолжает:

— Конечно же, это при условии, что ты согласишься вписать Арама как отца Алексея, а также поменяешь ему фамилию. Он ведь Григорян со всеми вытекающими последствиями. На смене имени я не настаиваю, разумеется. Ребенку ведь уже шесть лет, он привык быть Алексеем, и новое имя ему будет чуждо. Мы с женой в первую очередь настроены создать для внука комфортную атмосферу. Скажи, как скоро ты планируешь переезд в Краснодар?

От его последнего вопроса я выпадаю в осадок.

— О каком переезде в Краснодар вы говорите? — выпаливаю я.

— Но как же, Лиза... — В его интонации появляется искреннее недоумение. — Мы все — я, моя жена, мои родители — абсолютно все хотят познакомиться с Алексеем, увидеть внука! Ты не волнуйся, мы тепло вас примем! Ты же понимаешь...

Как складно говорит, аж заслушаться можно. Голос бархатный, убедительный. Но чувствую подвох — нутром чувствую. Что-то здесь не так.

С другой стороны, может он перепутал слова? Оговорился?

— Может, вы не так выразились? Не переезд, а приезд? В гости, чтобы вы могли познакомиться с мальчиком.

Это кажется мне вполне резонным предложением. Потому что теперь, когда ящик Пандоры открыт, мне при всем желании не спрятать Лешку ни от Арама, ни от его многочисленной семьи. Рано или поздно встреча все равно произойдет.

— Я вроде бы на дикцию не жалуюсь, — отвечает Мигран Аветович с легкой строгостью. — Конечно же, я имею в виду переезд. Пойми, ребенок должен расти в семье, мы подберем ему хорошую школу, поможем с воспитанием. Ты еще рада будешь, что переехала.

То есть вырастят из Лешки такого же гордого козла, как Арам?!

Меня начинает трясти от возмущения.

Собираю в кулак всю выдержку, чтобы не наорать в трубку:

— Позвольте, подведу итог нашего разговора, Мигран Аветович. То есть вы заявляете, что я должна сменить сыну фамилию, переехать в другой город, где у меня нет ни работы, ни родственников...

— Лиза, зачем ты перекручиваешь? — спрашивает он с легким раздражением. — Родственники как раз есть! Мы! А по поводу денег не волнуйся, у Арама достаточный доход,

чтобы вас содержать.

Ага, то есть в приживалках жить...

На подачках у его драгоценного сыночка.

— Мигран Аветович, вам не кажется, что это слишком — выдвигать такие требования?

— Лиза, услышь меня. Я тебе не враг. — Его голос снова становится ласковым. — Ты же понимаешь, что мальчику необходимо расти с отцом, видеть его каждый день. Арам должен принимать активнейшее участие в его жизни...

И тут меня прорывает. Не подумав, брякаю:

— Вы еще скажите, что мне за него замуж надо выйти, чтобы с сыном каждый день общался...

— А вот это исключено. Это сразу нет. — Голос Миграна Аветовича мгновенно становится твердым, как сталь. — Ви-дишь ли, у Арама есть невеста, очень хорошая девушка, мы всей душой желаем им счастья. В их отношения вступать не нужно. Так что надеюсь, ты не строишь планов касательно моего сына, потому что им не суждено сбыться.

Вот даже как...

После слова «невеста» в моей груди болезненно ухает, будто кто-то ударил кулаком под ребра.

Сама не пойму, с чего.

Ведь я читала где-то в соцсетях, что он посватал кого-то там. Но то могли быть слухи, сплетни поклонниц. А когда вот так прямо говорят — причем выставляют меня чуть ли не охотницей за Арамом... Это больно.

Даром мне этот подорожник не нужен!

— Я на Арама не претендую, — отвечаю сквозь зубы.

— Вот и хорошо. — Теперь в его голосе слышится удовлетворение. — Также хочу уточнить, что, когда переедешь сюда на попечение нашей семьи, мы, конечно же, обеспечим тебя жильем. Но тебе следует забыть о том, чтобы водить в дом чужих мужчин. Чтобы ребенок не видел никакого блядства. Это ведь может ранить его нежную душу...

От последнего высказывания меня аж колотит.

Это он сейчас так завуалированно назвал меня блядью?! Хотя почему завуалированно? Слово «блядство» прозвучало весьма четко и ясно.

Мысленно подвожу итог всему, что он мне тут наговорил: «Ты, блядь, срочно переезжай в Краснодар, мы тебя поселим куда захотим, будешь сидеть на подачках и не мяукать, а Арам будет тебе указывать, как ребенка растить».

Замечательное предложение, ничего не скажешь.

Ах, да, забыла...

Еще мне будет наложен запрет на личную жизнь, потому что негоже матери его внука ходить по всяким там мужикам. Надо дома сидеть, за ребенком смотреть и слушать советы по воспитанию от всей этой сумасшедшей семейки.

Зато Арам в это время женится на достойной девушке и будет иметь под боком сына с бесплатным приложением в виде меня.

Обалденный расклад... Для Арама.

Совсем охренели?

— Так мы договорились, Лиза? — спрашивает Мигран Аветович.

Отчего-то мне кажется, он даже не сомневается в положительном ответе.

— Пусть волки с вами договариваются! — наконец не выдерживаю. — Идите вы туда же, куда я послала Арама!

— Лиза, к чему такое хамство?

— Встретимся в суде!

На этом я торжественно кладу трубку.

И сразу же, не давая себе времени передумать, звоню маме. Едва она берет трубку, я выпаливаю дрожащим от слез голосом:

— Мам, на нас идет войной семья Григорян! Они хотят забрать Лешку!

Глава 12. Круги по воде

Лиза

Там же на кухне я подробно и в красках выкладываю матери все, что мне успел наговорить отец Арама.

— Да как он смеет! — возмущается она в трубку. — Да как у него язык повернулся! Совсем тебя не знает, а уже блядю назвал... Взрослый человек, состоятельный, а ведет себя как...

— Скотина последняя! — ругаюсь я.

— Именно так! Скотина и есть. Ни за что мы им Лешку не отдадим! Ни под каким видом, за это даже не переживай.

А я не то что переживаю, я вся как на иголках. До сих пор колотит после разговора с Арамом, а его отец еще добавил нервов.

— Мам, ты не понимаешь размеров катастрофы, — жалобно отвечаю. — Там семья очень состоятельная, я, конечно, перечня их доходов не знаю, но... Там рекой деньги льются, у этого Миграна Аветовича очень успешная торговая фирма, с китайцами сотрудничают, весь край товарами снабжают. Они Насте такую свадьбу сделали, что о ней потом еще год трубили. Это при том, что они даже не хотели ее в невестки, она сама рассказывала.

— Это все до одного места, — отрезает мама. — Против

законов не поперешь. Мы тоже, знаешь ли, не последние люди на этой земле, и в закромах финансы имеются, лучшего адвоката найдем, уж как-то сдюжим. А нет, так я Василия Ивановича подключу... Очень уважаемый судья, да и человек отзывчивый.

При упоминании Василия Ивановича я невольно кривлю лицо.

Потому что искренне считаю, что моя мама могла найти себе кого-то получше. Она ведь не старая совсем, ей сорок семь, и для своего возраста она чертовски хорошо выглядит, все еще стройная, подтянутая. В порядке себя держит, волосы пышные, светлые, как у меня. На лице почти нет морщин!

После того как папы не стало, она очень долго ходила в трауре, но потихоньку пришла в себя, активно работает, ходит на танцы, на курорты с подругами ездит.

И тут вдруг Василий Иванович...

Одутловатый, круглый мужик под шестьдесят — здравствуйте, я люблю вашу маму...

Он ей не пара! Да он вообще никому не пара, наверное поэтому и живет один.

Я, конечно, понимаю, что ей самой выбирать, самой жить эту жизнь. Но он мне категорически не нравится и является последним человеком, к которому я хотела бы обращаться за помощью.

Впрочем, держу все эти мысли при себе, потому что не в моей ситуации кривить носом, когда предлагают помощь.

— Мы живем в России, — продолжает деловым тоном мама. — В нашем государстве детей оставляют с матерью, если она не конченная алкоголичка без работы и жилья. А ты у меня без вредных привычек, жилплощадь имеется, работа. Пусть хоть наизнанку вывернутся, а не удастся им лишить тебя родительских прав. Ничего не бойся, дочь. Они тебе ничего не сделают из своего Краснодара.

После ее слов хоть немного приободряюсь.

— Но все равно мерзко, что Арам даже отцу про меня гадости наговорил. Ведь наговорил, раз и тот записал меня в прости господи... Чувствую себя так, будто меня помоями облили с ног до головы. Ох не зря я еще семь лет назад почувствовала, что с этой семейкой никаких дел иметь нельзя...

Слышу мамин шумный вздох.

Ее голос снова звенит возмущением:

— Кстати, объясни мне, почему вообще Арам считает тебя девушкой легкого поведения? Какие у него доказательства твоего так называемого блядства? Как матери, мне крайне неприятно такое слышать, ведь ты же даже не встречаешься ни с кем...

О, хотела бы я знать, почему Арам считает меня такой.

— Думаю, это все из-за того, что не залила девственной кровищей его кровать... — тихонько всхлипываю.

Вспоминаю ту ночь и вздрагиваю.

Мой первый раз с мужчиной получился таким жутким,

что вспомнить противно.

Поначалу все шло неплохо, Арам был ласков, прежде чем приступить к делу, поцеловал меня раз пятьсот, причем в разные места. Я была вполне готова к продолжению, хотя и нервничала очень. А потом, когда он понял, что дефлорация произошла задолго до его вторжения, натурально озверел. Что, впрочем, не помешало ему сначала кончить.

— Неужели всему этому ужасу виной тот несчастный случай? — охает мама с досадой.

— Похоже на то. — Прикусываю нижнюю губу.

Двенадцать лет назад в нашей семье случилось большое несчастье, которое сломало наши судьбы. Отголоски того жуткого события до сих пор ранят. Что меня, что маму. А теперь еще и Лешу задело рикошетом.

Сколько последствий мы все хапнули просто потому, что кто-то уснул за рулем.

Глава 13. Адекватный родитель

Арам

Умные люди, придумали поговорку: «Утро вечера мудренее».

Вчера голова кипела от новых вводных, нового же статуса отца, извечных вопросов, кто виноват и что делать.

Сегодня...

Я все обдумал.

Еще и сообщение матери на ночь глядя сыграло свою роль.

«Арам, представь ситуацию: жили бы мы с тобой вдвоем, и тут вдруг в нашу жизнь вламывается чужой мужчина. Заявляет, что он твой отец и хочет отобрать тебя у меня. Как бы ты себя чувствовал? Как бы я себя чувствовала? Даже при условии, что сколько-то там лет назад эта девочка сделала неверный выбор и скрыла беременность, сейчас агрессор — ты. Ей ведь было тогда всего восемнадцать, сделай на это скидку. В любом случае сын тебе не скажет спасибо за вандальное вырывание из привычной среды. А ты должен действовать в первую очередь в его интересах. Все-таки попытайся договориться с Лизой по-хорошему».

Это сообщение матери я перечитал раз тридцать.

Полночи в голове крутил.

И вправду представил себя на месте Лехи.

Я за свою матушку кого хочешь порву — факт. Потому что если есть на этом свете человек, который всегда, в абсолютно любой ситуации поддержит, так это она. Моя мама.

Она, конечно, профессиональный мозговзрыватель, и по качеству распиливания нервов с ней не сравнится никакая пила «Дружба». Но вместе с тем она мудрая женщина, а еще всегда стремится действовать во благо этого у нее не отнять. Она как-то умудряется рассмотреть ситуацию со всех сторон, ищет самые разумные выходы. Даже отец это признает! Иногда.

Поэтому, как бы я ни злился на Лизу, как бы мне ни хотелось дальше самозабвенно выяснять с ней отношения, решил еще раз попытаться наладить диалог.

Должна быть в мире справедливость и какой-то баланс. Если мать у Лехи шумоголовая, это ведь не значит, что отец должен вести себя так же, верно? Должен быть у пацана хоть один адекватный родитель. Пусть им буду я.

Тем более что пацан у меня первый класс! И я сейчас не про школу. Ладный такой парниша, симпатичный, крепкий. Плечи широкие для его возраста, спортсмен будет, чувствую. Хочу его как следует рассмотреть, пообщаться, узнать интересы и прочее. А как это сделать, если в следующий раз мне его покажут в суде? Приблизительно никак.

Так что приехал в гости с миром.

Точнее, с пиццей.

Всякой набрал.

Позвонил брату, спросил, какую пиццу любят племяши, получил от его жены развернутый ответ, что эти волчата схарчат все, что перед ними ни положишь. Почесал репу и взял все разновидности, какие были в той пиццерии, где Лиза вчера делала заказ.

Добавил к этому еще торт, набрал натуральных соков, фруктов.

Конечно же, прихватил цветов — чтобы как-то задобрить блондинистую драконицу, которая вчера выгнала меня из квартиры чуть ли не взашей. Авось подберет, перестанет плевать огнем и превратится в зайку. Это так, в порядке бреда, можно сказать, слепые надежды.

Стою теперь возле подъезда Лизы, любуюсь на все это добро в багажнике машины, думаю, как переправить в квартиру. Еще ж надо, чтобы хотя бы открыли дверь. Взгляд падает на куртку курьера, которую вчера выкупил у парня, который привез пиццу.

Нет, глупо будет пытаться пробраться в дом тем же способом, ведь Лиза не идиотка. Или это я о ней слишком хорошо думаю?

Решаю не прикрываться личиной курьера, я все-таки не клоун по профессии, экономист.

Рук для всего добра не хватает, а еще одну по досадному недоразумению не отрастил.

Кое-как распределяю поклажу в две руки, даже умудря-

юсь закрыть багажник и нажать на брелке блокировку.

Поворачиваюсь к подъезду, уже делаю шаг и вдруг вижу очень интересную блондинку, которая сворачивает туда же. Она одета в белую шубу, копна волос струится по плечам, в руке чемодан на колесиках.

Но совсем не привлекательность блондинки меня так цепляет. Тем более, как бы она ни молодилась, видно, что ей под сраку лет — сорок, сорок пять, не меньше.

У блондинки на левом виске яркое, почти черное родимое пятно, идеально круглое.

Я помню это пятно! И блондинку эту — тоже!

Готов поклясться, это именно она продавала мне шесть с половиной лет назад информацию о беременности Лизы, когда я нагрянул сюда с проверкой.

Как все случилось: увидел фото беременной Лизы в соц-сети, примчал сюда для серьезного разговора. Лиза при моем появлении лишь фыркнула и сказала, что ребенок не мой и вообще она забеременела аж через два месяца после нашей с ней ночи. Но я парень упертый, нашел женскую консультацию, где она стояла на учете. И именно этот гинеколог подтвердила слова Лизы о том, что плод по срокам никак не может быть моим.

Вашу ж мать...

А что?

Я вчера виделся с Лизой, как следует ее разглядел с разных ракурсов. И теперь, когда смотрю на эту блондинку при

ярком утреннем свете, четко могу сказать — они довольно похожи, хоть никаких родимых пятен у Лизы нет.

Тогда мышей не словил, слишком перенервничал, зато сейчас...

Внаглую подхожу к ней, нависаю и спрашиваю:

— Вы мать Лизы?

Она даже не отпирается.

Смотрит на меня свысока, хотя ниже ростом почти на голову.

И говорит:

— Полагаю, Арам?

— Да, — киваю.

— Так вот ты какой... Подросший северный олень...

Она всерьез меня сейчас оленем назвала? Ну хамка!

— Что?!

— Пойдем, поговорим, — щурит глаза она.

О, поговорить — это как раз то, чего я очень жажду.

Внутри я киплю, как забытый на плите чайник.

Хочется послать эту наглую тетку куда подальше и развернуться к машине. Но любопытство берет верх — слишком много вопросов накопилось за эти годы. Да и шанс наконец докопаться до истины упускать нельзя.

К тому же я сына хотел повидать!

И не позволю всяким там провоцировать меня на ссору, которая отдалит встречу с ребенком. Сын важнее.

Шагаю за ней к подъезду, чертыхаясь под нос. Пакеты ре-

жут руки, цветы норовят выскользнуть из-под мышки.

Северный олень, вашу мать...

Интересно, откуда такое сравнение? Это она так намекает, что у Лизы после меня был табун мужиков? Или мне попросту досталось за габариты? Я крупный, да, и в плечах, и в росте.

Поднимаемся на нужный этаж.

Мать Лизы идет впереди, цокает каблуками, тащит за собой чемодан. Ведет себя абсолютно невозмутимо, словно встретила старого приятеля, а не того, кого когда-то обманула на приличную сумму. Впрочем, может таких обманутых, как я, у нее в списке десятки?

Она открывает дверь ключом. Делаю вывод, что она или живет с Лизой и Лешей, или часто здесь бывает.

В прихожей она спокойно ставит чемодан у стены, стягивает белую шубку и вешает на вешалку. Движения размеренные, привычные. Как ни в чем не бывало, так ее растак!

— Меня зовут Арина Александровна. — Она машет рукой на мои пакеты. — Что за продуктовая взятка? М-м, еще и цветы. Кому бы это...

Наглость просто зашкаливает, но я держу себя в руках. Медаль мне за выдержку!

— Цветы Лизе, остальное сыну. Хотел порадовать.

— Думаешь, мы голодаем?

Ляпнула так ляпнула!

Я приезжаю с миром, с подарками, а она меня обвиняет

в том, что считаю их нищими. Хотя, если честно, после вчерашнего скандала с Лизой я именно так и подумал. Дом ведь ни разу не элитный.

— Не с пустыми же руками приходить... А где Лиза с Лешей?

— Леша в школе, Лиза на работе, ты рано. А впрочем, хорошо, что рано пришел. Разговор у меня к тебе с глазу на глаз...

Мысленно зло посмеиваюсь.

— У меня к вам тоже разговор. Зачем вы меня обманули тогда? За вранье про собственного внука еще и денег срубили. Не стыдно?

Она даже бровью не ведет.

Смотрит на меня с таким видом, будто я тупой телок, который никак не может понять простую задачку. И ей абсолютно не стыдно — это написано на лице крупными буквами.

— Отнеси все это на кухню.

Она говорит приказным тоном.

От такого тона хочется швырнуть все пакеты ей под ноги и хлопнуть дверью. Кто вообще такое отношение выдержит? Я ей подаван, что ли? Или подносила? Доставщик? Официант? Чтобы со мной так разговаривать.

Но я не ведусь даже на эту провокацию. Я приехал договариваться, а не устраивать очередной балаган.

Тихо закипая, плетусь на кухню.

Ставлю пакеты на стол, вскользь оглядываюсь по сторонам. Интерьер неплохой, надо признать. Кухня не сказать чтобы огромная, квадратов восемь, не больше, но приличная. Встроенная техника, гранитная столешница, аккуратная плитка на фартуке. Пахнет свежестью и каким-то цветочным освежителем воздуха.

Отчего-то я ожидал увидеть совсем другое. Нечто убогое, обшарпанное, совершенно непригодное для жизни моего сына. Вчера, когда разъяренная Лиза практически вытолкала меня из квартиры, я даже толком не разглядел прихожую. А теперь вижу — живут они явно не в нищете. Я недавно приобрел квартиру, делал ремонт, поэтому доподлинно знаю, что сколько стоит.

Возвращаюсь в гостиную, где Арина Александровна уже расположилась в кресле, закинув ногу на ногу.

— Вы объясните мне свое поведение в нашу прошлую встречу, шесть с половиной лет назад?

Она меня словно не слышит. Смотрит в упор и с милой улыбкой предлагает:

— Ты присаживайся, присаживайся...

Вправду сажусь в кресло напротив.

И она дальше толкает свою речь:

— Не тебе требовать объяснений, Арам. Это ты мне объясни, как смеешь называть мою дочь блядью? Как у тебя только язык повернулся так ее назвать после того, как ты с ней поступил?

Что называется, приплыли.

Впрочем, я не из тех, кто не умеет доходчиво донести свою мысль.

Сейчас я ей популярно объясню...

Пудобнее устраиваюсь в кресле, кладу руки на подлокотники. Кожа скрипит под моим весом.

Впиваюсь взглядом в эту наглую мадам.

Она сидит напротив, все такая же невозмутимая, будто мы тут чай с печеньками распиваем, а не выясняем отношения.

Я начинаю медленно, тщательно подбираю слова:

— Есть ряд причин и моделей поведения, которые отличают хорошую девочку от...

Она резко и агрессивно перебивает:

— Каковы же эти причины? Уж не тот ли факт, что она тебе в восемнадцать якобы не девочкой досталась?

Якобы! Вот это да! Будто этот факт как-то оспорим.

— Почему «якобы»? — возмущаюсь я, хотя обещал себе держаться спокойно. — Наплела с три короба, изображала из себя скромницу, вылила на меня ушат вранья, как она волнуется и прочее, и прочее. Не сделай она этого, я бы так не взбесился тогда...

Арина Александровна качает головой, словно я неразумный ребенок, который никак не может усвоить простую истину.

— М-да... — протягивает она. — По-моему, тут будет уместно кое-что рассказать тебе про Лизу.

Она делает паузу, смотрит в окно, где за стеклом кружится мелкий снежок.

— Видишь ли, когда ей было тринадцать лет, Лиза попала в автомобильную аварию, очень серьезную. Среди прочего у нее был поврежден мочевой пузырь, и врачи сделали хирургическое вмешательство, чтобы самым безопасным способом подобраться к нужному органу. Лиза ни в чем не виновата...

Я хмрюсь, понимая, на что она намекает.

— Что за бред? Разве подобные операции делают девушкам-подросткам...

— В седан моего мужа врезался грузовик! — Голос Арины Александровны срывается, и впервые за все время нашего разговора я слышу в нем настоящие эмоции. — Водитель уснул за рулем и... Машину буквально сплющило! Мой муж погиб на месте, Лиза чудом выжила, но ее натурально смяло... Перелом руки, голени, лицевой кости, внутренние повреждения...

Она замолкает, сжимает руки в кулаки.

Новая информация для меня, как ушат холодной воды.

Застываю, переваривая услышанное.

Арина Александровна продолжает скрипучим от эмоций голосом:

— Я отдала все свои деньги, чтобы ее вытащили, чтобы сделали все как надо. Там стоял вопрос о жизни и здоровье, что по сравнению с этим хирургическое вмешательство, на-

рушившее целостность девственной плевы?

Я слушаю ее и не успеваю раскладывать данные по полочкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.